

760.
Проф. Н. К. ГРУНСКІЙ.

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СИНТАКСИСА

СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

ТОМЪ I.

Вып. 3-й. Значеніе А. А. Потебни въ исторіи
разработки русскаго синтаксиса.

ЮРЬЕВЪ

Типографія К. Маттисена

1911.

Проф. Н. К. ГРУНСКІЙ.

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СИНТАКСИСА

СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

ТОМЪ I.

Вып. 3-й. Значеніе А. А. Потебни въ исторіи
разработки русскаго синтаксиса.

— doc —

ЮРЬЕВЪ

Типографія К. Маттисена

1911.

I.

Первымъ важнымъ трудомъ А. А. Потебни, трудомъ, въ которомъ заложены были его общіе взгляды на языкъ, является „Мысль и языкъ“ (1-ое изданіе въ Журналѣ М. Н. Пр. 62 г., 2-ое изд. Харьковъ 1892 г.). Сочиненіе это является непосредственнымъ введеніемъ къ дальнѣйшимъ трудамъ того-же автора. Выступая въ качествѣ противника взглядовъ Беккера и Шлейхера, проводя взгляды Гумбольдта и Штейнталя, развивая эти взгляды, Потебня особенно подробно останавливается на психологическомъ анализѣ, пользуясь въ этомъ случаѣ, какъ исходнымъ пунктомъ, взглядами Гербарта и Лотце. Основная идея сочиненія, какъ показываетъ уже и само заглавіе, отношеніе мысли и языка въ различные періоды ихъ эволюціи. Все сочиненіе состоитъ изъ десяти главъ: 1) Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка. 2) Беккеръ и Шлейхеръ. 3) Гумбольдтъ. 4) Языкознание и психологія, 5) Чувственные воспріятія. 6) Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ. 7) Языкъ чувства и языкъ мысли. 8) Слово, какъ средство апперцепціи. 9) Представленіе, сужденіе, понятіе. 10) Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли (2-ое изданіе 1—228 стр.).

Первыя три главы тѣсно соединяются другъ съ другомъ: здѣсь выясняется вопросъ объ отношеніи мысли къ

слову въ связи съ вопросомъ о происхожденіи языка и для полноты развѣртываемой картины нужно было бы внести нѣкоторыя мѣста изъ послѣдующаго изложенія, особенно изъ 7-ой главы, гдѣ проводятся мысли Потебни объ естественномъ происхожденіи языка и высказывается несогласіе съ теоріей Гумбольдта. И въ трехъ первыхъ главахъ можно было сдѣлать нѣсколько иную распланировку; тогда бы, на примѣръ, могло выясниться и сходство нѣкоторыхъ взглядовъ, высказанныхъ въ научной русской и западно-европейской литературѣ (напр. Аксаковъ-Шлейхеръ); не было бы искусственнаго дѣленія (сначала теоріи, затѣмъ отдѣльные ученые — не давшіе цѣльныхъ теорій).

Теоріи о намѣренномъ изобрѣтеніи и божественномъ созданіи языка разбираются Потебнею вскользь. Онъ указываетъ на внутреннія противорѣчія и непоследовательность въ этихъ теоріяхъ. Пособіемъ въ главной части изложенія Потебнѣ служила извѣстная книга Штейнтала „Der Ursprung der Sprache“ (2-ое изданіе; книга эта въ своемъ послѣднемъ, 4-омъ изданіи, 1888 года, является и теперь лучшимъ пособіемъ въ вопросѣ о теоріяхъ происхожденія языка). Другая книга Штейнтала „Grammatik, Logik und Psychologie“ послужила Потебнѣ главнымъ пособіемъ при опроверженіи теоріи Беккера, проводившаго мысль о безсозпательномъ происхожденіи языка и сравнивавшего языкъ съ физиологическими проявленіями человѣческаго организма. Все это и отчасти дальнѣйшее изложеніе у Потебни затропутаго вопроса нужно непременно оцѣнивать съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи мысли къ языку, иначе изложеніе мы найдемъ не только пещельнымъ, по и неполнымъ. Для Потебни важно было отмѣтить, что всѣ разобраппыя имъ теоріи смотрятъ на языкъ, какъ на нѣчто создавшееся вдругъ, какъ на обреченное въ дальнѣйшей своей исторіи, въ сущности, на упадокъ. Между тѣмъ самъ онъ вначалѣ, забѣгая нѣсколько впередъ, подчеркиваетъ, что раздробленіе языковъ даетъ разносторонность

общечеловѣческой мысли. Изъ четырехъ первыхъ главъ особенно интересна по самостоятельности изслѣдованія 4-я, гдѣ Потенія не только излагаетъ главныя черты теоріи о происхожденіи языка, представителемъ которой былъ Гумбольдтъ, но онъ указываетъ недостатки теоріи Гумбольдта и показываетъ возможность лучшаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ этой теоріи. Взглядъ Гумбольдта на языкъ, какъ на вѣчно повторяющуюся работу духа, какъ на постоянную дѣятельность, но въ то-же время и произведеніе, по скольку въ немъ отражается работа предыдущихъ поколѣній, ставитъ, по мнѣнію Потенія, теорію Гумбольдта выше всѣхъ предшествующихъ теорій. Тѣмъ самымъ Гумбольдтъ переносилъ изученіе языка на психологическую почву, хотя, впрочемъ, какъ справедливо указываетъ Потенія, онъ не могъ освободиться отъ стремленій прибѣгать къ объясненіямъ чисто метафизическаго характера. Цѣнными являлись указанія Гумбольдта, что языкъ есть органъ образующей мысли, что развитіе его создается лишь уже въ обществѣ, что всякое слово имѣетъ субъективную и объективную сторону, что въ субъективной сторонѣ нашей рѣчи доказательство мысли: „всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ вмѣстѣ разногласіе“. Потенія не соглашается съ теоріей Гумбольдта о происхожденіи языка, сводящейся къ 2-мъ основнымъ положеніямъ: 1) непосредственное звукоподражательное обозначеніе понятій и 2) обозначеніе символическое, т. е. обозначеніе посредствомъ звука производящаго впечатлѣніе, подобное впечатлѣнію отъ предмета. Потенія находитъ въ послѣднихъ случаяхъ одухотвореніе звука подъ вліяніемъ фантазіи, а дѣйствіе послѣдней объясняетъ образовавшимся уже значеніемъ слова (110). — Съ другой же стороны, метафизичность Гумбольдта сказывалась въ его стремленіи дать окончательный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи языка, и Гумбольдтъ здѣсь стремится соединить двоякость происхожденія, двоякость основныхъ началъ — Божественнаго и чело-

вѣческаго; эта метафизичность сказывалась также въ стремленіи сгладить тѣ противорѣчія, которыя соединялись у изслѣдователя въ общихъ понятіяхъ о языкѣ — о его зависимости отъ духа и въ то-же время самостоятельности его. Вотъ что говоритъ Потебня въ другомъ своемъ сочиненіи по этому поводу (Изъ зап. по теоріи словесности, 27). „Пламя свѣчи, отъ которой зажигаются другія свѣчи, не дробится; въ каждой свѣчѣ воспламеняются свои газы. Такъ при пониманіи мысль говорящаго не передается слушающему; но послѣдній, понимая слово, создаетъ свою мысль, занимающую въ системѣ, установленной языкомъ, мѣсто, сходное съ мѣстомъ мысли говорящаго. Думать при словѣ именно то, что думаетъ другой, значило-бы перестать быть самимъ собою. Поэтому пониманіе въ смыслѣ тождества мысли въ говорящемъ и слушающемъ есть такая-же иллюзія, какъ и та, въ силу коей мы принимаемъ собственныя ощущенія за внѣшніе предметы“. Потебня считалъ возможнымъ неметафизическое изслѣдованіе началъ языка, разъединяя создавшееся въ предыдущихъ теоріяхъ единство духа (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) и языка. Въ своемъ общемъ взглядѣ на отношеніе мысли и языка Потебня находился на точкѣ зрѣнія Штейнталя: „область языка далеко не совпадаетъ съ областью мысли. Въ срединѣ человѣческаго развитія мысль можетъ быть связана со словомъ, но въ началѣ она, повидимому, еще не доросла до него, а на высокой ступени отвлеченности покидаетъ его, какъ неудовлетворяющее ея требованія, и какъ-бы потому, что не можетъ вполне отрѣшиться отъ чувственности, ищетъ внѣшней опоры только въ произвольномъ знакѣ“ (44—45). Ставя такъ вопросъ и понимая слово „духъ“ въ „смыслѣ сознательной умственной дѣятельности, предполагающей понятія, которыя образуются только посредствомъ слова, мы увидимъ, что духъ безъ языка невозможенъ, потому что самъ образуется при помощи языка и языкъ въ немъ есть первое

по времени событіе“ (45—46). Признавъ вслѣдъ за Гумбольдтомъ заслугу перенесенія вопросовъ языковѣдѣнія на психологическую почву, отмѣтивъ новый взглядъ Гумбольдта, по которому разные періоды исторіи языка не являются постепеннымъ паденіемъ языка, а лишь постояннымъ повтореніемъ перваго акта созданія языка, Потебня вмѣстѣ съ тѣмъ выставляетъ основное положеніе: „въ исторіи языка, въ психологическихъ наблюденіяхъ современныхъ намъ процессовъ рѣчи — ключъ къ тому, какъ совершались эти процессы въ началѣ жизни человѣчества“ (47). Естественнопъ поэтому переходъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи Потебни къ психологическому анализу; но какъ я сказалъ раньше, въ послѣдующемъ изложеніи есть мѣста, которыми можно было-бы дополнить нарисованную уже картину теорій о происхожденіи языка. Можно было-бы, впрочемъ, сказать, что трактуемое дальше является уже результатомъ самостоятельныхъ изслѣдованій Потебни, потому и изложеніе является вполне послѣдовательнымъ, но это было-бы несправедливо, такъ какъ теорія, которую выставлялъ Потебня, проводилась и раньше, слѣдовательно и должна была быть введена въ общій обзоръ. Потебня въ 6—7 главахъ опредѣленно указываетъ какъ на первоначальный источникъ будущаго слова — рефлексъ; изъ этого рефлекса сначала возникаетъ произвольный звукъ, употребленіе междометія, затѣмъ употребленіе сознательное — переходъ междометія въ слово. Мысль объ образованіи словъ изъ междометій не нова. Потебня могъ-бы въ данномъ случаѣ остановиться на своемъ предшественникѣ — Руссо (*Essai sur l'origine des langues*). Въ 7-ой главѣ вполне ярко выясняя разницу между междометіемъ и словомъ, Потебня тѣмъ самымъ показываетъ неполную убѣдительность своихъ выводовъ, потому что между словомъ и междометіемъ громадная пропасть. Въ основѣ междометія — аффектъ; междометіе не имѣетъ того значенія, которое сбздается въ словѣ, помимо его формы: междометіе

понятно уже своей звуковой формой. Такимъ образомъ междометія понятны должны быть въ разпыхъ языкахъ; пе то — со словомъ. Междометія лишены развитія, они не имѣютъ той исторіи, которая выпадаетъ на долю слова вообще, они не способствуютъ развитію мысли, какъ способствуетъ тому слово. Причислять междометія къ частямъ рѣчи — нельзя. Максъ Мюллеръ говорилъ, что языкъ начинается на той границѣ, гдѣ прекращаются междометія. Но несомнѣнно и то, что въ междометіяхъ выражается цѣлая нерасчлененная рѣчь, и я-бы сказалъ также, что къ способности подобнаго выраженія приходятъ и нѣкоторыя слова въ позднѣйшій періодъ. Я построю такую градацию: ну? = неужели? = неужели это такъ... Ого! = вотъ такъ! = вотъ такъ удивительно произошло... Нужно, конечно, имѣть въ виду, что содержаніе можетъ быть вкладываемо въ такія выраженія самое разнообразное. Вопросъ поэтому, — можно ли сравнивать такія междометія съ тѣми, которыя ставилъ Максъ Мюллеръ на границѣ человѣческой рѣчи. И можно даже поставить вопросъ, не стремится-ли часто рѣчь къ такимъ междометнымъ выраженіямъ, окаменѣвшимъ ради экономіи языка. Правъ былъ Штейнталь, когда въ „ого“, въ дѣтскомъ „гавъ-гавъ“ и подобныхъ выраженіяхъ видѣлъ цѣлыя предложенія („Мы-бы сказали, замѣчаетъ Добіашъ въ своемъ „Опытѣ... 28, цѣлая рѣчь“). Штейнталь именно подмѣтилъ, что на первоначальной стадіи языка краткое выраженіе служить для передачи сложнаго представленія; можно было-бы прибавить, что послѣднее появляется и на дальнѣйшихъ стадіяхъ.

Потенбня вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ и поддерживаетъ традиціонное ученіе о существенной разницѣ между рѣчью человѣческой и звуками, издаваемыми животными, говоритъ именно о членораздѣльности звуковой формы словъ; говоритъ о проводимыхъ въ то время простѣйшихъ звуковыхъ стихіяхъ слова (простые гласные звуки — а, и, у, сложные позднѣйшаго происхожденія — е, о).

Въ толкованіяхъ о членораздѣльности человѣческой рѣчи въ отличіе отъ нечленораздѣльности звуковъ, издаваемыхъ животными, Потебня стоялъ на традиціонной точкѣ зрѣнія, выведенной апріорно и притомъ, какъ показали дальнѣйшія наблюденія, совершенно невѣрно. Здѣсь въ стремленіи провести параллель между членораздѣльностью рѣчи и ея единствомъ съ одной стороны и раздѣльностью и единствомъ мышленія съ другой, — я видѣлъ-бы во 1) нѣкоторую метафизичность, почему противопоставиль-бы подобнымъ заключеніямъ а priori новѣйшія наблюденія надъ звуками вообще и, въ частности, звуками животныхъ, во 2) зародышъ замѣчательно здравой идеи о „членораздѣльности человѣческой мысли“. И послѣ изданія труда Потебни, независимо отъ этого труда, въ западно-европейской научной литературѣ развивалась та-же теорія о происхожденіи языка, только съ извѣстными вариациями. Труды, напр. Гейгера (*Z. Geiger, Ursprung und Entwicklung d. menschl. Sprache und Vernunft*. 2 тома 1868—72 г. *Zur Entwicklung der Menschheit* 1871), Нуаре (*L. Noire, Der Ursprung d. Sprache* 1877) вполне справедливо относятся Вундтомъ (*Völkerpsychologie II, 625—627*) къ двумъ теченіямъ *Naturlauttheorie*. И нужно замѣтить, что та картина постепеннаго развитія языка, которая строилась Гейгеромъ и его продолжателемъ Нуаре, съ ихъ первоначальными глагольными корнями, стояла гораздо ниже анализа, даннаго Потебнею въ общихъ чертахъ въ „Мысли и языкъ“ и затѣмъ продолженнаго и развитога въ введеніи къ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. Вундтъ, создавая собственную теорію развитія языка (имъ назван. *Entwicklungstheorie*), отрицательно относился къ *Naturlauttheorie*, считая ее даже ниже *Nachahmungstheorie*. Между тѣмъ, тѣ доводы, которые онъ приводилъ противъ этой теоріи, не особенно убѣдительны. Прежде всего, лишь немногіе междометія перешли въ слова (*II², 623, I², 314*), причемъ приводятся переходы, которые-бы не признали приверженцы *Naturlaut-*

theorie идущими въ доказательство ихъ теорій (такъ эти переходы плодъ позднѣйшаго времени и образованія, въ сущности, по аналогіи; для примѣра возьмемъ хотя-бы русское: ахъ — ахнутъ). Затѣмъ Вундтъ говоритъ, что нельзя брать для воссозданія первоначальнаго періода языка образованіе языка у ребенка, такъ какъ послѣдній поставленъ въ совершенно иныя условія, благодаря наслѣдственности и окружающей обстановкѣ. Это такъ, но только отчасти, потому что процессы творчества должны быть одинаковы въ силу того, что одинаковы законы душевной жизни и лишь результаты могутъ быть разные въ силу различныхъ данныхъ. Несомнѣнно однако, что Вундтъ, стремясь обосновать свою теорію, далъ много такого матеріала, который можетъ играть несомнѣнно важную роль при построеніяхъ теоріи о происхожденіи и развитіи языка. Несомнѣнна заслуга Вундта въ глубокомъ анализѣ мимическихъ движеній и въ сближеніи, соединеніи съ этими движеніями язычныхъ проявленій. Не входя въ разборъ всей теоріи, построенной Вундтомъ, я только скажу то, что эта теорія захватываетъ шире, чѣмъ каждая изъ предыдущихъ теорій, элементы, несомнѣнно явившіеся основами языка, но только шире потому что въ сущности въ эту теорію входятъ и *Naturlauttheorie* и *Nachahmungstheorie*. Вундтъ, какъ-то незамѣтно для себя борется съ тѣмъ, что лежитъ и въ основѣ его ученія, правда только эти элементы нѣсколько имъ иначе освѣщаются (будучи приводимы въ тѣсную связь вообще съ мимикой, языкомъ жестовъ; и въ то же время интересно сравнить характеристику мимическихъ движеній, какъ указательныхъ, такъ подражательныхъ и символическихъ).

Въ 4-ой главѣ, содержащей главнымъ образомъ изложеніе взглядовъ Гербарта и Лотце и дающей лишь общія штрихи отношеній языкознанія и психологіи, Потенба, въ заключеніе, приходитъ къ той мысли, что переходъ образа предмета въ понятіе хотя и можетъ совершаться только посредствомъ слова, но само по себѣ слово не является

создающимъ это понятіе, что „понятіе, какъ и многое другое въ личной и народной жизни, навсегда остается для насъ величиной, произведенной, такъ сказать, умноженіемъ извѣстныхъ намъ условій на неизвѣстныя намъ и, вѣроятно, неизлѣдимыя силы. Здѣсь нѣтъ призыва къ смиренному бездѣйствію, основанному на томъ, что умъ нашъ слабъ, а пучина премудрости Божіей бездонна, и есть только ~~конечное~~ сомнѣніе въ близости конечной цѣли мысли, т. е. знанія связи явленій“ (64). 5-ая глава непосредственно примыкаетъ къ 4-ой по изложенію господствовавшихъ психологическихъ ученій относительно такъ называемаго общаго чувства и отдѣльныхъ чувствъ, ихъ развитія. Здѣсь Потебня стоитъ вполне на точкѣ зрѣнія прежней психологической школы и можно сомнѣваться, что если бы всѣ построенія, здѣсь приведенныя объ отношеніи области чувствованій и представленій, были изложены въ духъ современнаго ученія эмпирической психологіи, то отъ этого измѣнились-бы по существу дальнѣйшіе уже болѣе оригинальные выводы самого Потебни (насчетъ исторіи языка). Отчасти то-же можно сказать о слѣдующихъ главахъ, 6—7, главныя мысли которыхъ намъ отчасти знакомы. Думается только, что Потебня черезчуръ уже разграничиваетъ, какъ сказано, междометія первобытнаго человѣчества и своеобразный языкъ животныхъ, полагая между ними глубокую разницу душевныхъ процессовъ, что чисто научныя дапныя, собранныя уже ранѣе, объ умѣ и попятіяхъ животныхъ могли бы дать нѣкоторую иную окраску и содержаніе выводамъ, чѣмъ тѣ, которыя находимъ у Потебни на 94—95 страницахъ.

Въ 7-ой главѣ развиваются также мысли, затронутыя ранѣе, мысли Гумбольдта о субъективной и объективной сторонѣ слова; на ряду съ этимъ для исторіи процесса образованія слова отмѣчается важная особенность — внутренняя форма слова, т. е. обозначеніе цѣлаго представленія посредствомъ извѣстнаго признака.

Опуская 8-ю главу, какъ имѣющую всецѣло отношеніе

къ психологiи и по характеру своему неотличающуюся отъ предыдущихъ въ смыслѣ передачи главныхъ положенiй научной нѣмецкой литературы, я могу сказать, впрочемъ, что не все здѣсь проведено съ достаточной полнотою и послѣдовательностью. Въ данномъ случаѣ могли быть внесены существенныя поправки и дополненiя на основанiи изслѣдованiй новѣйшей психологiи (напр., въ пониманiи апперцепцiи, значенiи ассоциаций).

Изъ 9-ой главы я выдвину слѣдующiя мѣста. Прежде всего въ противовѣсъ Беккеру, Потербня, идя за Гумбольдтомъ и Штейнталемъ, сравниваетъ различныя стадiи развитiя языка и прибѣгаетъ къ такого рода сравненiю: „какъ зерно растенiя не есть ни листь, ни цвѣтъ, ни плодъ, ни все это взятое вмѣстѣ, такъ слово въ началѣ лишено еще всякихъ формальныхъ опредѣленiй и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глаголь (147).

Если первоначальное слово являлось сказуемымъ, то трудность представлялась при объясненiи появленiя двучленного предложенiя. Здѣсь Потербня развиваетъ новый взглядъ (здѣсь я также отмѣтилъ-бы развитiе основного взгляда Гумбольдта. Ср. Ueber die Verschied. 104). Двучленное предложенiе, по Потербнѣ, слагается путемъ не аналитическимъ, а синтетическимъ, создается единое изъ первоначально въ сущности двойного. Потербня здѣсь вполне считается съ природой первоначальныхъ словъ. Первоначальное слово выдвигало на первый планъ извѣстный признакъ предмета, — это то, что является его внутренней формой. Если я возьму, напр., такое слово, какъ медвѣдь, то здѣсь выдвинуть признакъ — медъ - ѣсть. Когда теперь мы произносимъ это слово, то мы часто даже не обращаемъ вниманiя на внутреннiй признакъ, а съ понятiемъ о данномъ звѣрѣ можемъ соединять совершенно другiя значенiя. Слѣдовательно, забывается внутренняя форма даннаго слова, и оно дѣлается таковымъ, какъ рядъ другихъ словъ, напр. столъ, домъ и пр. Это забвенiе

внутренней формы слова проистекало оттого, что понятие о медвѣдѣ увеличивается постепенно другими признаками, а эти признаки извлекаются словомъ изъ предложенія. Слѣдовательно и послѣднее должно быть первоначально синтетическимъ. Вотъ какой ходъ мыслей, мнѣ казалось бы, долженъ вытекать изъ того общаго результата, къ какому пришелъ Потебня. Онъ беретъ такой примѣръ: вода свѣтла; въ словѣ вода первоначально чувствовалось обозначеніе признака течь; если затѣмъ устранить формальное развитіе въ свѣтла и перейти къ воображаемому первоисточнику этого слова, то получимъ свѣтъ; отсюда, строя первоначальное предложеніе вода — свѣтъ, вода какъ свѣтъ, получаемъ такимъ образомъ къ прежнему представленію новый признакъ (157).

Стоитъ сравнить послѣднія построения Потебни съ общими, ничего не дающими разсужденіями Штейнталя (Gram., Log. und Psych. 327), чтобы вполне оцѣнить взглядъ Потебни. Что первоначальное двучленное предложеніе создано именно путемъ сложения, путемъ сравненія, на это указываетъ и объясненіе первоначальнаго происхожденія самого слова путемъ сравненія. Стоитъ сравнить также и съ тѣмъ выясненіемъ сужденія, которое мы находимъ у Вундта. Опредѣляя предложеніе, какъ *den sprachlichen Ausdruck für die willkürliche Gliederung einer Gesamtvorstellung in ihre in die logischen Beziehungen zu einander gestellten Bestandteile* (Völkersp. II, 245), Вундтъ совершенно не даетъ намъ убѣдительной схемы появленія и развитія *willkürliche Gliederung einer Gesamtvorstellung*; въ своемъ психологическомъ анализѣ предложенія онъ переноситъ насъ лишь въ область того отвлеченія, которое мы можемъ произвести, анализируя современную рѣчь. Мы схватываемъ нѣчто цѣлое, воспринимаемъ извѣстное представленіе, состоящее, въ сущности, изъ различныхъ элементовъ, мы воспринимаемъ такимъ образомъ единое изъ многого. Но затѣмъ наступаетъ анализъ благодаря нашему вниманію,

благодаря апперцепціи, выдѣляются такимъ образомъ отдѣльныя части. вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ и синтезъ, производящій сужденіе и благодаря этому синтезу обставляется шире наше представленіе даннаго воспріятія. Но какъ происходитъ эта перемежающаяся работа анализа и и синтеза, Вундтъ не обпаруживаетъ. И повидимому, ему это и представлялось не такъ, какъ представляется Потебнѣ, а проще: Вундтъ не улавливаетъ огромнаго значенія сравненія, такъ удачно выдвинутаго Потебнею.

Въ 10-й главѣ Потебня сближаетъ отдѣльное слово съ произведеніями искусства, вскрывая въ послѣднемъ такіе же процессы творчества (синтезъ трехъ мотивовъ — внѣшней формы, внутренней формѣ и содержанія), говоритъ о выдѣленіи изъ поэзіи и прозы — науки, стремится выяснитъ разницу между поэзіей и прозой, проводитъ мысль о необходимости для языка достиженія извѣстной отвлеченности, глубины, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы для освѣженія, возврата къ прежнимъ источникамъ вдохновенія, къ болѣе яркому представленію понятій. Настоящая глава нашла себѣ развитіе въ „Изъ записокъ по теоріи словесности“ Потебни (Харьковъ 1905 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ естественнс, здѣсь же частично развиваются и повторяются и другія мысли, положенныя въ основѣ „Мысли и языка.“

„Мысль и языкъ“ Потебни не является, какъ мы могли уже замѣтить, вполне самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Основныя мысли внушены изслѣдователю современной нѣмецкой наукой. И вотъ предъ нами цѣльное продуманное изслѣдованіе, передававшее итоги новой психологической школы языкованія, съ развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ, сдѣланнымъ самимъ Потебнею; изслѣдованіе это вполне могло имѣть большое значеніе для русской науки. И мы видимъ, что цѣлый рядъ учениковъ и послѣдователей Потебни развиваютъ мысли, положенныя въ основѣ разсмотрѣннаго сочиненія. Упомяну о статьяхъ и брошюрахъ гг.: Овсянико-Куликовскаго, Ветухова, Харціева, Горнфельда и

Лезина. Правда, мысли эти встрѣчали и несогласія: по поводу статьи г. Горнфельда „Муки слова“ была написана статья г. Батюшкова „Въ борьбѣ со словомъ“ (Ж. М. Н. Пр. 99 г. февраль), въ которой авторъ проводитъ мысль о необходимости раздѣлить форму и содержаніе, языкъ и мысль, выводы Потебни называетъ неясными, терминологию — двойственной. Будучи правъ въ нѣкоторыхъ частныхъ опроверженіяхъ заключеній г. Горнфельда, проф. Батюшковъ въ общемъ недостаточно вдумчиво оцѣнилъ положенія Гумбольдта и Потебни и самъ впалъ въ нѣкоторыя противорѣчія, не говоря уже о томъ, что совершенно не доказалъ своей основной мысли.

Гумбольдтъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи *Ueber die Kawisprache auf der Insel Java* (Berlin, 1836) положилъ собственно начало новаго отношенія къ языку. Начало это лишь здѣсь какъ-бы намѣчается, такъ какъ и Гумбольдтъ во многихъ пунктахъ остается вѣренъ прежнему. Мы находимъ у Гумбольдта уже вполне обоснованную точку зрѣнія на глаголь и его значеніе въ предложеніи, точку развитую и въ трудахъ дальнѣйшей разработки языковъ. Хотя нужно замѣтить, что и вызвавшій позже столько нападковъ на свою систему Беккеръ („*Organism. der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik,*“ Frankf. 1827), еще раньше выдвигалъ также сказуемое-глаголь, считая его логически первымъ въ предложеніи предикативномъ (правда, здѣсь лишь отчасти сходились результаты, основныя-же точки зрѣнія были разныя). Глаголу приписывается та особая сила, которая даетъ возможность къ синтезу, къ составленію предложенія. Гумбольдтъ пытался войти въ лабораторію нашей мысли и слова, и здѣсь онъ положилъ начало дальнѣйшему психологическому направленію въ языковеденіи.

Гумбольдтъ стремился выяснитъ отношеніе языка къ мышленію. Языкъ онъ считалъ орудіемъ образованія мысли. Такимъ образомъ онъ, хотя раньше и говорилъ, что однимъ

изъ основныхъ началъ употребленія звуковыхъ формъ является мышленіе, но это послѣднее, какъ оказывается, въ своемъ развитіи находится въ зависимости отъ языка. Сколько новаго, свѣжаго вносила съ собою мысль Гумбольдта — *die Sprache ist das bildende Organ der Gedanken*: она прежде всего устраняла то установившееся чисто механическое отношеніе, которое признавалось между языкомъ и мышленіемъ. Къ образованію представленій Гумбольдтъ не относился такъ легко, какъ то замѣчаемъ у его современниковъ, онъ не считалъ нами представленія лишь воспринятіемъ окружающаго посредствомъ нашихъ чувствъ: процессъ этотъ онъ считалъ болѣе сложнымъ — къ дѣятельности чувствъ присоединялъ онъ дѣятельность ума, результатомъ уже совокупной дѣятельности образуется представленіе. Чтобы это представленіе сдѣлалось объектомъ, необходимо слово, благодаря послѣднему представленію, выйдя какъ бы внѣ, снова получаетъ при новомъ воспріятіи возможность сдѣлаться субъективнымъ элементомъ. На такомъ процессѣ развитія представленія основывается и образованіе понятій. Безъ словъ послѣднія не возникали бы, а безъ понятій невозможно и мышленіе.

Гумбольдтъ наглядно выясняетъ субъективную и объективную сторону слова и дѣлаетъ понятнымъ парадоксальное на первый взглядъ положеніе, что „всякое пониманіе есть непониманіе“. Всѣ эти положенія, какъ и положенія о томъ, что языкъ въ своей жизни, въ дѣйствительности, представляется чѣмъ то постоянно измѣняющимся, непрерывно текущимъ (§ 8, LVII), что языкъ получаетъ жизнь только въ употребленіи (§ 8, LXXIX), — были развиты Потебнею.

За Гумбольдтомъ шелъ Потебня въ развитіи слѣдующихъ вопросовъ: о внутренней формѣ языка, о первоначальномъ синтетическомъ процессѣ образованія предложеній, о параллелизмѣ языка и искусства, націонализмѣ, индивидуализмѣ языковъ; „Мысль и языкъ“ Потебни закап-

чивается изложеніемъ тѣхъ же вопросовъ, какъ и Гумбольдтовское введеніе — вопросомъ о поэзіи и прозѣ, при чемъ здѣсь также развитіе возрѣвній Гумбольдта.

Та идея о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ, которую проводилъ Гумбольдтъ, была рельефно развита во всѣхъ изслѣдованіяхъ Потебнею. И что особенно также важно, идея была связана тѣсно съ другой: эволюція языка тѣсно связывалась съ развитіемъ мышленія. Отсюда ясны причины, обусловившія у Потебни совсѣмъ иную постановку анализа язычныхъ явленій сравнительно съ тѣмъ, что находимъ въ трудахъ предшественниковъ Потебни по разработкѣ русскаго синтаксиса. Если мышленіе находится въ тѣспой зависимости отъ языка, отъ его развитія, то съ другой стороны изслѣдователь язычныхъ явленій можетъ почерпать для себя уясненіе измѣненій строя языка въ сферѣ измѣненій мышленія. Если наше міросозерцаніе сильно разнится отъ міросозерцанія прежнихъ временъ, то и нашъ языкъ долженъ также разниться отъ предыдущихъ періодовъ своего развитія. Отсюда уже ясно, насколько новая постановка изученія строя нашего языка въ трудахъ Потебни должна была быть широкой по своимъ горизонтамъ и глубокой по анализу. Если же Потебня входилъ часто въ анализъ деталей, то это было вполнѣ необходимо для построенія широкихъ перспективъ. Мелочи, детали важны были Потебнѣ не сами по себѣ, а важны были по той роли, которую онѣ играли и играютъ въ исторіи и жизни языка, какъ цѣлаго отдѣльнаго организма. Изученіе отдѣльныхъ фактовъ строя языка и могло повести къ построенію гипотезы о текучести, измѣняемости нашей рѣчи. Изученіе различныхъ фактовъ измѣненія въ роли и назначеніи частей рѣчи теперь и въ болѣе ранніе періоды жизни языка привело Потебню къ построенію цѣлой гипотезы о жизни грамматическихъ категорій въ связи съ исторіей измѣненія цѣлаго міросозерцанія. Мы видимъ, что главная интенсивность работы Потебни направлялась

къ тому, чтобы дать картину постепеннаго развитія языка, опредѣлить тѣ возможныя начальныя точки, „откуда“ мы идемъ, и какъ идемъ, сообразно съ этимъ намѣчался путь, „куда“ мы идемъ въ своемъ развитіи языка.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (I. Введеніе. II. Составные члены предложенья и ихъ замѣны — I-е изд. „Введенія“ въ Филолог. Запискахъ 1874 г., 1-ое изд. „Составные . . .“, Харьковъ 74, 2-ое изданіе всего сочиненія — Харьковъ 1888 г.), я останавлиюсь и на первой части этого труда въ виду разнообразія и важности затронутыхъ здѣсь общихъ вопросовъ. 2-я же часть должна быть признана особенно для насъ важною, въ виду той самостоятельности и глубины анализа, которая проявляется здѣсь, и въ виду того, что 2-я часть, специальная, имѣетъ особенное отношеніе уже чисто къ синтаксису славянскихъ языковъ, и въ частности, языка русскаго.

Въ первыхъ главахъ „Введенія“ выясняются элементы „слова“ т. е. затрогивается вопросъ въ общемъ уже разобранный въ предыдущемъ изслѣдованіи Потебни („Мысль и языкъ“). Развертывая передъ читателемъ исторію слова „верста“, Потебня нагляднымъ примѣромъ показываетъ, какимъ образомъ получается возникновеніе различныхъ значеній въ словахъ, возникшихъ при помощи различныхъ признаковъ, связанныхъ съ представленіемъ версты.

Путь развитія слова — выдѣленіе извѣстнаго признака, который является уже какъ знакъ новаго представленія. Постепенно выясняется, что, кромѣ извѣстнаго значенія, слово имѣетъ знакъ (который въ исторіи слова можетъ быть затемненъ, потому можетъ и исчезнуть для

нашего сознанія), что каждое слово въ языкѣ, прошедшее стадію простѣйшаго строенія, обладаетъ уже извѣстными грамматическими формами. Впрочемъ, нужно замѣтить, что тоже слово верста, давая жизнь новымъ словамъ, входило въ составъ этихъ словъ не какимъ-либо однимъ своимъ признакомъ, а представленіемъ цѣльнымъ (хотя и выдвинуть былъ-бы одинъ только признакъ); вѣдь идя за Потемной, мы должны сказать, что если со словомъ верста соединяется нѣсколько значеній, то это будетъ не одно слово, а нѣсколько словъ. Тотъ путь отвлеченія, который представляется съ выдѣленіемъ извѣстнаго признака, характеризуетъ уже нашу аналитическую работу. Вѣдь примѣняя слово верста къ понятію верзила и пр., мы не отвлечаемъ извѣстный признакъ, а примѣняемъ цѣльное представленіе. Въ такомъ духѣ должна была-бы быть измѣнена характеристика пути образованія слова, если итти за Потемною. Затронувъ вопросъ о корняхъ слова, Потемня указывалъ на то, что создаваемые научнымъ творчествомъ „первоначальные“ корни въ большинствѣ своемъ — фикции, отвлеченія, никогда не бывшія въ жизни языковъ, что для опредѣленія корней необходима цѣлая генеологическая таблица, при чемъ отношеніе корня къ производнымъ сравнивается съ отношеніемъ родоначальника къ потомству („странно было-бы утверждать, что родоначальникъ живетъ въ своемъ потомствѣ хотя-бы и не „самъ по себѣ“, а въ соединеніи съ чѣмъ-то постороннимъ. Онъ въ немъ не живетъ никакъ; онъ былъ лишь виновникомъ того, что въ потомствѣ сохраняются, хотя и нене измѣнно, нѣкоторыя черты. Точно такъ нельзя думать, что въ производныхъ живетъ какъ-бы ни было корень, какъ слово“, 16). Говоря о постепенномъ исчезновеніи вещественнаго значенія различныхъ грамматическихъ формъ, Потемня высказывалъ мысль, что количество формъ не уменьшается съ развитіемъ языка, а увеличивается. Формы, часто по внѣшности своей одинаковыя, если взять ихъ отдѣльно, вѣдъ предложевія, оба

руживаются въ предложеніи, въ связной рѣчи, различныя свои значенія. Какъ форма раба можетъ быть формою разныхъ падежей, такъ и одна форма творительнаго падежа, по Потенбѣ, является не одной грамматической категоріей, а нѣсколькими категоріями; даже одно и тоже слово въ различныхъ падежахъ является уже разными словами (ср. 29, 56 стр). Въ послѣднемъ случаѣ, кажется, является уже нѣкоторая крайность въ выводѣ, потому что по существу даже малѣйшаго измѣненія въ словѣ нѣтъ; относительно же нѣсколькихъ значеній, соединяемыхъ въ одной формѣ, нельзя не согласиться и нельзя не отгнать такимъ образомъ разницу въ синтаксическомъ отношеніи. Вполнѣ былъ правъ Потенба, когда возражалъ противъ тѣхъ языковѣдовъ (и, въ частности, противъ Буслаева), которые въ исчезновеніи и разрушеніи прежнихъ грамматическихъ формъ видѣли упадокъ языка. Желаніе внести болѣе цѣльность въ дѣленіе грамматики заставило Потенбу иначе формулировать, чѣмъ то было принято, понятія „этимологія“ и „синтаксисъ“. Потенба не считалъ этимологію особой частью грамматики, а этимологія, по его мнѣнію, есть особая точка зрѣнія на явленія языка — историческая. Слѣдовательно, если мы будемъ изучать современный строй языка, то назовемъ это изученіе синтаксическимъ (синтаксическимъ, по Потенбѣ); если будемъ разсматривать въ исторіи развитія — этимологическимъ. „Этимологія и синтаксисъ относятся другъ другу какъ исторія и описаніе современнаго состоянія“ (38). Подобныя точки зрѣнія можно было-бы примѣнить и къ изученію внѣшняго состава словъ — фонетикѣ, „хотя здѣсь менѣе побужденій держать ихъ раздѣльно“. Поэтому Потенба отрицалъ терминъ „историческій синтаксисъ“. Трудно вполнѣ согласиться съ проводимымъ здѣсь взглядомъ. Думается, напр., что терминъ „этимологія“ вполнѣ-бы можно сохранить по отношенію къ изученію отдѣльнаго слова. Затѣмъ, когда мы говоримъ о „частяхъ рѣчи“, мы естественно выдвигаемъ извѣстныя группы, кате-

горіи словъ ; мы эти слова разсматриваемъ уже не въ рѣчи, а внѣ ея, разсматриваемъ какъ элементы этой рѣчи. Потебня называлъ всякое слово, взятое внѣ предложенія, „искусственнымъ препаратомъ.“ Это такъ, но при изученіи какой-либо науки вовсе не возбраняются эти „искусственные препараты,“ а даже наоборотъ, такое изученіе извѣстныхъ частей способствуетъ лучшему знанію цѣлаго. Отвлекая часть изъ рѣчи, дѣлая ее искусственнымъ препаратомъ, мы въ тоже время можемъ всегда имѣть въ умѣ связь этой рѣчи съ цѣлымъ. Въ вопросѣ о частяхъ рѣчи и объ отношеніи частей рѣчи къ частямъ предложенія Потебня далъ ученіе лишь въ общихъ чертахъ, не доразвивъ вполне, и его послѣдователямъ пришлось уже заканчивать въ обработкѣ мысли своего великаго учителя. Задача оказалась трудной и мысли Потебни до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ не удалось его послѣдователямъ развить въ вполне убѣдительной системѣ. Съ другой стороны, появились и возгласы противъ основныхъ воззрѣній въ данномъ случаѣ Потебни. Неудивительно поэтому, что пашей школьной грамматикѣ приходится или слѣдовать за прочно утвердившимися ранѣе положеніями, выработанными такъ называемой „логической“ школой во главѣ съ Буслаевымъ (системы, въ корень разрушенной Потебней), или дѣлать попытки слѣдовать новымъ вліяніямъ, но только — попытки, ограничиваясь лишь громкими указаніями на ложность прежней системы, на необходимость чисто „грамматическаго“ пониманія, а, въ сущности, оставаясь подъ этимъ новымъ флагомъ съ прежнимъ содержаніемъ

У Потебни мы находимъ попытку дать болѣе научное опредѣленіе грамматическихъ категорій. Онъ былъ совершенно правъ, когда писалъ, что опредѣленія Буслаева (и, конечно, предшественниковъ Буслаева) совершенно не вѣрны, что эти опредѣленія не даютъ возможности различать, напр., по категоріямъ : бѣлизна-бѣлый, доброта-добрый, и пр., потому что тамъ и тамъ названія качества. И вотъ, находя общее между именемъ прилагательнымъ и существитель-

нымъ, заставляющее выдѣлить то и другое первоначально въ одно цѣлое-имя, Потебня и стремится прежде всего выяснить разницу между именемъ и глаголомъ. Здѣсь онъ становится вполне на психологическую точку зрѣнія, „Имя относится къ глаголу, какъ воспоминаніе прежде познаннаго къ познаваемому вновь.“ Затѣмъ: „въ имени представляется признакъ не какъ производимый предметомъ (солнце, свѣтъ), а какъ данный въ предметѣ, находящійся въ немъ“ (свѣтлое солнце, свѣтъ солнца) (86—87).

Выставляя это, какъ различіе имени и глагола, Потебня въ дальнѣйшемъ своемъ анализѣ стремится обосновать и развѣтвленія, происшедшія въ самомъ имени — опредѣлить природу отличія имени существительнаго отъ имени прилагательнаго. „Существительное первоначально есть признакъ, заключенный (данный, уже готовый) въ чемъ-то опредѣленномъ для мысли и безъ помощи другого слова: бѣлокъ есть бѣлая часть яйца... старикъ — старый человѣкъ...“ (90). „Прилагательное есть признакъ, данный въ чемъ-то, что безъ помощи другого слова остается со стороны содержанія неопредѣленнымъ“ (87) Слѣдовательно въ существительномъ подчеркивается его субстанціальныи характеръ. Принимая во вниманіе, что первоначальные признаки, заложенные въ основѣ существительныхъ, забываются на извѣстной ступени развитія, Потебня давалъ опредѣленіе: „существительное конкретное есть такое названіе опредѣленнаго вмѣстителя или вмѣстилища признаковъ, которое не даетъ возможности опредѣлить, какой изъ этихъ признаковъ ближе къ сознанію“ (92).

Если еще въ древнихъ грамматикахъ мы видимъ выдѣленіе причастія въ особую группу, выставленіе его осо-

бой частью рѣчи, то нѣчто подобное находимъ и у Потебни. Исходя изъ того воззрѣнія, что до раздѣленія имени и глагола существовавшее слово было подобно причастію, Потебня говоритъ, между прочимъ: „собственно и о позднѣйшихъ причастіяхъ, понимаемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ относительно значительной ихъ части, нельзя сказать съ увѣренностью, что они произведены отъ глагола (vr. *finitum*): фактъ состоитъ только въ общности темы глагола и причастія, общности, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла произойти и наоборотъ, вслѣдствіе отпричастности нѣкоторыхъ глагольныхъ разрядовъ“ (88). Разбираясь въ вопросѣ исторіи образовація имени-глагола, Потебня указывалъ на первоначальность мѣстоименныхъ корней. „Они (т. е. мѣстоименные корни) такъ же означали не субстанцію отдѣльно отъ атрибута, а цѣльное воспріятіе“ (83). И устанавливая терминъ для первоначальнаго имени-глагола, какъ отдѣльнаго воспріятія, Потебня называлъ его корнемъ безотносительнымъ, качественнымъ, объективнымъ, а корень мѣстоименный — относительнымъ, указательнымъ или субъективнымъ (83).

Потебня дальше замѣчаетъ: „различіе корней качественныхъ отъ указательныхъ относится къ глубочайшей древности; но если судить по позднѣйшимъ языкамъ, оно можетъ быть непервобытно“ (83—84). Въ дальнѣйшемъ (93) Потебня относитъ мѣстоименія къ именамъ существительнымъ и прилагательнымъ. Интересно здѣсь отмѣтить то, что, развивая свой взглядъ, Потебня исходитъ изъ критики взгляда Фика (*Vergl. Wörterb.*), который считалъ мѣстоименные корни первоначальными на ряду съ глагольными. Фикъ видѣлъ въ мѣстоименіяхъ настоящія древнія имена, болѣе имена, чѣмъ позднѣйшія имена (существ.) Потебня правъ былъ, разрушая взглядъ Фика, переносившаго современныя свойства къ періоду первоначальному, правъ былъ, когда говорилъ, что нельзя считать мѣстоименія въ первую эпоху ихъ образовація чистыми именами.

Здѣсь. какъ и въ другихъ случаяхъ, Потенбня стремился вникнуть въ сущность мѣстоименія, а не ограничивался лишь извѣстными формальными отличіями.

Имя прилагательное не сразу было выдѣлено. Въ данномъ случаѣ интересно, что чутье еще древнихъ грамматиковъ подмѣтило общность прилагательнаго и существительнаго и обобщило эти части рѣчи подъ однимъ терминомъ — и м я. Научное языкознаніе теперь выказываетъ вполне общій источникъ обѣихъ категорій, при чемъ отмѣчается первоначальность въ этомъ источникѣ свойства прилагательнаго — обозначеніе признака.

Потенбня сближаетъ нарѣчіе и дѣепричастіе. Само нарѣчіе онъ опредѣлилъ, какъ признакъ признака. На предлоги онъ смотрѣлъ, какъ на извѣстнаго рода связки объекта, ставшія таковыми послѣ потери нарѣчіями ихъ вещественнаго значенія. Здѣсь онъ сравнивалъ съ тѣмъ, что происходитъ съ отношеніемъ къ глаголу вообще связки есть. Какъ есть иногда можетъ дѣлаться вполне вещественнымъ глаголомъ такъ и предлогъ можетъ иногда пріобрѣтать свое прежнее значеніе нарѣчія: ходить около чего-либо, ходить около (123).

Потенбня выдѣляетъ въ особую группу „связку“, отдѣляя ее такимъ образомъ отъ глагола. „Предикативная связь есть грамматическая форма личнаго глагола, есть то, почему этотъ глаголъ есть глаголъ, а не другая часть рѣчи; связка же есть особое слово, но важное не само по себѣ, а какъ средство присоединенія атрибута къ подлежащему“ (110).

Судя по дальнѣйшему (123), отношеніе связки къ глаголу представляется аналогичнымъ отношенію предлога къ нарѣчію.

У Потенбни можно насчитать 10 частей рѣчи. Вполнѣ разграниченными въ опредѣленіяхъ нужно признать у него тѣ части рѣчи, которыя принято называть знаменательными. Здѣсь послѣдовательно проводится принципъ дѣленія — въ основѣ этихъ знаменательныхъ частей рѣчи ложится

то или иное выраженіе признака. Относительно частей рѣчи, въ которыхъ этого признака пѣтъ, Потебня былъ особенно оригиналенъ въ вопросѣ о связкѣ.

У Потебни при грамматическихъ опредѣленіяхъ мы встрѣчаемся, въ сущности, съ отсутствіемъ указаній чисто грамматическихъ, формальныхъ. Указываются психологическія основы, выдѣляется семасіологическая сторона, но не выдвинуты тѣ черты, которыя съ формальной стороны отличаютъ, напр., глаголь отъ имени существительнаго и пр.

Здѣсь уклонъ въ сторону отъ того, что пыталась дать даже строго осуждаемая „логическая“ грамматика. Желаніе связать „части рѣчи“ съ „членами“ предложенія, проявившееся прежде всего въ трудѣ Потебни, вполне понятно. Части рѣчи образовывались въ рѣчи, какъ носители извѣстныхъ функций. Такимъ образомъ вполне естественно, что для выраженія извѣстныхъ функций, въ качествѣ извѣстныхъ членовъ предложенія, и должны выступать извѣстныя части рѣчи. Если Потебнѣ и его послѣдователямъ, не вполне удалась ихъ задача согласованія то и это понятно, принимая во вниманіе прежде всего „текучесть“ частей рѣчи, ихъ замѣны другъ другомъ. О томъ, насколько не поддается стремленіе согласовать части рѣчи и члены предложенія, можетъ свидѣтельствовать классификація, данная Дельбрюкомъ, проводившимъ мысль о тождествѣ частей рѣчи и членовъ предложенія. Если удалить изъ его классификаціи связки (къ которымъ причисляются и предлоги) и усилительныя слова, то останется дѣленіе на три категоріи: субстантивныя, предикативныя и атрибутивныя слова. Въ роли, напр., предикативныхъ словъ выступаетъ не только *verbum*, но и *nomem*, въ роли атрибутивныхъ выступаютъ не только имена прилагательныя (которыя входятъ и въ субстантивныя имена), но и сами субстантивныя имена („*Einleitung in das Sprachstudium.*“ Leipzig 1880). Попытка Потебни связать части рѣчи съ членами предложенія нашла себѣ особенно критика въ лицѣ

проф. Добіаша (Опыт семазіологіі частей рѣчи). Добіашъ видитъ неправильность метода въ изслѣдованіи Потебни о частяхъ рѣчи и членахъ предложенія, выставляя неустановленность въ данномъ случаѣ исходной точки Потебни. Добіашъ по началу экскурса Потебни даже не понимаетъ, изъ чего исходитъ изслѣдователь, изъ частей-ли рѣчи или членовъ предложенія. Между тѣмъ, исходная точка зрѣнія Потебни вполне ясна; она такова же, какъ и у Дельбрюка — отождествленіе части рѣчи и членовъ предложенія, та, слѣдовательно, точка зрѣнія, проведеніе которой Дельбрюкомъ, Добіашъ считалъ „громаднымъ шагомъ впередъ“ (Опытъ 57, 61).

Затѣмъ, мнѣ кажется, что исходя изъ настоящаго пониманія семазіологіі, трудно было упрекать Потебню, какъ дѣлаетъ это Добіашъ (Опытъ, 59 стр.), въ созданіи „затрудненій“ при выясненіи творительнаго падежа — за дѣленіе его на: тв. соціативный, мѣста, времени и пр. (12 подраздѣленій). Выясненіе характера этихъ разнообразныхъ значеній творительнаго падежа помогло Потебнѣ разобратъсь въ исторіи этого падежа.

Добіашъ вполне правильно отмѣчаетъ противорѣчіе, въ которое впалъ Потебня, говоря о переходѣ въ нарѣчія словъ дополнительныхъ въ такихъ, на примѣръ, случаяхъ, какъ „копье приломити конецъ поля Половецкаго“ (Опытъ, 51). Разъ конецъ потеряло свое значеніе дополненія и сдѣлалось связующимъ звеномъ между приломити и поля, то оно, естественно, должно выступить въ качествѣ предлога.

Указанія Добіаша на то (Опытъ, 55—56 стр.), что Потебня сталъ на неправильный путь, устанавливая составное сказуемое, руководясь общимъ смысломъ, могутъ, думается, быть устраненными тѣми разсужденіями, которыя находимъ у Потебни относительно потери конкретности. Если раньше подобное выраженіе, какъ будужить, состояло несомнѣнно изъ 2-хъ смысловыхъ эле-

ментовъ, то этого мы никакъ теперь не скажемъ: теперь одинъ элементъ, что особенно выражено и формально въ сербскомъ и малорусскомъ языкахъ.

Насколько вообще трудно поддаются опредѣленію такія термины, какъ „дополненіе“ и др., показываютъ попытки опредѣленія и у Потебни. Опредѣленіе Потебни въ данномъ случаѣ -- болѣе тѣсная или болѣе отдаленная связь, вызываемая формальнымъ значеніемъ слова, какъ справедливо замѣчаетъ Добіащъ (Опытъ 57—8), примѣнимо и къ другимъ членамъ предложенія. Мысль Потебни о томъ, что безъ *verbum finitum* не можетъ быть самостоятельнаго предложенія находила и находить себѣ противниковъ. Такимъ противникомъ былъ ученикъ Потебни Поповъ, Добіащъ въ упомянутомъ изслѣдованіи „Опытъ симазіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка“ Пр. 97 г. (стр. 54—55), наконецъ въ новѣйшее время педагогъ Гуссовъ въ своей небольшой статьѣ „Принципы грамматическаго анализа простого предложенія“ (Воронежъ 1907 г. изъ Филологич. Записокъ). Опроверженія эти на нашъ взглядъ не особенно удачны. Если теперь для насъ совершенно не нуженъ глаголъ есть въ такихъ предложеніяхъ, какъ онъ м о л о д ъ и пр., то не нужно забывать, что свойство глагола можетъ переходить на другія части рѣчи, которыя оглаголиваются.

„Покойный лингвистъ-мыслитель, одинъ изъ самыхъ большихъ ученыхъ умовъ вѣка, обезсмертилъ въ исторіи науки свое имя открытіемъ измѣняемости предложенія и опредѣленіемъ того направленія, въ которомъ оно измѣняется. Его глубокія изслѣдованія по синтаксису были отвѣтомъ на вопросъ, который онъ самъ формулировалъ такъ: „какъ и куда развитіе языка ведетъ мысль человѣческую“ ?

„Весь погруженный, продолжаетъ тотъ-же авторъ (Овсянничко-Куликовскій), въ изслѣдованіе эволюціи рѣчи и мысли, онъ скептически и отрицательно относился къ

общимъ опредѣленіямъ, игнорирующимъ принципъ развитія и дающимъ общую и неподвижную формулу для явленія, которое измѣняется.“

Признавъ вслѣдъ за Потепнею малосодержательность общихъ формулъ, опредѣляющихъ предложеніе, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій въ то-же время не считаетъ эти формулы ненужными (Рус. Мысль 96 г. 12 кн. 30); — ихъ пригодность признается особенно въ цѣляхъ пропедевтическихъ, затѣмъ для цѣлей классификаціи явленій. Овсяннико-Куликовскій прибѣгаетъ къ остроумному сравненію: „Протестъ Потепни противъ общихъ и неподвижныхъ опредѣленій предложенія былъ внушенъ тѣмъ чувствомъ, которое заговорило бы въ ученомъ зоологѣ — трансформистѣ, погруженномъ въ глубокія и захватывающія изслѣдованія измѣняемости видовъ, — если-бы его вдругъ оторвали отъ этихъ изслѣдованій паивнымъ и, съ его точки зрѣнія, празднымъ вопросомъ: ну, а скажите-ка, профессоръ, что такое животное вообще? Быть можетъ и этотъ зоологъ въ концѣ концовъ призналъ бы полезнымъ, въ интересахъ пропедевтики и популяризаціи знанія, дать общее опредѣленіе животнаго, по возможности отвѣчающее современному состоянію зоологіи. Но, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что въ естествознаніи предварительныя общія опредѣленія далеко не имѣютъ того значенія, какое они имѣютъ въ наукахъ психологическихъ. Въ этихъ послѣднихъ чрезвычайно важно съ самаго начала отмежевать изучаемую область отъ другихъ, съ нею смежныхъ, потому, что не только „профаны,“ но и ученые специалисты нерѣдко смѣниваютъ явленія одной съ явленіями другой.“

Можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ, почему Потепня, проводившій идею тѣсной связи языка и мысли, возсталъ противъ близости грамматики къ логикѣ. Самъ Потепня, требовавшій въ грамматикѣ строго грамматическихъ анализовъ, отступилъ въ своихъ изысканіяхъ въ область психологіи. Во всей вѣроятности, кромѣ слѣдо-

ванія въ данномъ случаѣ за Штейнталемъ, на Потebníю оказывало вліяніе то оппозиціонное отношеніе, которое вообще проводилъ онъ къ создавшейся у насъ „логической“ школѣ.

При изложеніи и оцѣнкѣ „Введенія“ я для удобства отступилъ отъ послѣдовательности изложенія у Потębни. Тѣмъ болѣе представляется это необходимымъ при изложеніи и оцѣнкѣ „Составныхъ членовъ“ Послѣдовательно итти за Потębней въ данномъ разборѣ потребовало-бы во многихъ случаяхъ привлеченія хотя отчасти того богатаго матеріала, которымъ пользовался Потębня изъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, отчасти нѣмецкаго, изъ древнихъ разноязычныхъ памятниковъ, что сдѣлало-бы настоящую работу выходящей изъ намѣченной задачи. Поэтому я затрону лишь главные выводы Потębни и лишь нѣкоторыя частности.

Главная мысль всей этой части изслѣдованія такова: строй древнеславянскаго предложенія, въ частности древнецер.-славянскаго и древне-русскаго, и строй современнаго русскаго (и вообще славянскаго) предложенія нѣсколько различаются. Въ древне-церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ пѣтъ такой компактности, какъ теперь у насъ. Современное предложенія стремится къ усиленію сказуемости. Стоитъ въ данномъ случаѣ сравнить такіе обороты, какъ :

Древніе тексты.	Современ. рѣчь.
И есть церкви та стоящи въ Корсунѣ	— церковь стояла
отъсельѣ чловѣкы бѣдеша лова	— будешь ловить
Григорій поставьенъ бысть патріархъ	— поставленъ былъ
	патріархомъ
сътворѣ ва ловьца чловѣкомъ	— васъ ловцами
	и пр. и пр.

Приведенныя изъ текстовъ предложенія распадаются какъ-бы на 3 акта мысли: сказуемое состоитъ изъ 2-хъ

частей, при чемъ одна часть „тянетъ“ къ подлежащему, съ которымъ согласуется. Въ современной рѣчи 2 акта. То же при измѣненіи падежа, согласованнаго съ подлежащимъ или дополненіемъ, въ творительный.

Нѣтъ нужды, что и въ греческомъ языкѣ мы находимъ соотвѣтствующіе обороты. Къ тѣмъ многочисленнымъ примѣрамъ, которые приводитъ Потебня, примѣрамъ вполне доказывающимъ во многихъ случаяхъ незаимствованіе изъ греческаго, можно прибавить еще цѣлый рядъ дополненій, данныхъ Овсяннико-Куликовскимъ въ его „Синтактическихъ наблюденійхъ“ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1897 г., май), позволяющихъ перенести подобныя сочетанія вообще на индоевропейскую почву. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для нашихъ текстовъ не исключается и возможность вліянія. Такъ Мар. Е. Марка 26 б ѡ а х ж же е д и н и о т ѣ к ѣ н и ж н и к ѣ т о у с ѣ д ѣ ш т е и п о м ы ш л ѣ ш т е : *ἦσαν καθήμενοι καὶ διαλογιζόμενοι*. Я сомнѣваюсь даже, что примѣръ, приводимый Потебнею изъ Остромирова Евангел.: *ѡ к о н ѣ с м ѣ ѡ к о и п р о ч и ч л о в ѣ ц и . . . а л ѣ ч ѡ . . . д е с ѣ т и н ѣ д ѡ ѡ*, не могъ бы имѣть въ греческомъ текстѣ чего-либо подобнаго, хотя и въ извѣстныхъ греческихъ текстахъ 1 лицо — *ἠστειω, ἀποδεχάω*, чему находимъ соотвѣтствія въ другихъ евангельскихъ текстахъ.

Усиленіе сказуемости, мѣну въ строѣ предложенія Потебня ставилъ въ связь съ мѣной міросозерцанія, начинавшемъ видѣть въ окружающемъ не субстанціальность, а процессуальность, проявленіе энергіи, силы.

Въ древне-цер.-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ обычно вообще соединеніе причастій дѣйствительныхъ для выраженія составнаго сказуемаго (кромѣ причастій на л ѣ , которыя образовали описательное время): б ж д е ш и л о в ѡ Л. 5 10, б ж д е ш и м л ѣ ч ѡ Л. 1 20 (Зогр. Ев.), б ы с т ѣ і о а н ѣ к р ѣ с т ѡ Мр. 14, и б ѣ с ѣ д ѡ . . . и г р ѣ ш ѡ с ѡ (Мар., Мр. 14 54): *καὶ ἦν συγκαθήμενος . . . καὶ θερμαινόμενος* б ѡ а х ж б о в ѡ с и ч а ш т е е г о : *ἦσαν*

γάρ πάντες προσδοκῶτες αὐτόν (см. различн. примѣры у Потевни Изъ Запис. II 129—130 и особенно Овсян.-Куликовскаго „Синтак. наблюденія“ Ж. М. Н. Пр. 97 № 5). Между приведенными примѣрами и нашими выраженіями: будетъ ловить, будешь молчать и пр. заключается огромная разница въ самой исходной точкѣ зрѣнія. И эта разница вскрыта съ замѣчательной научной проицательностью Потевней. Если мы говоримъ: будешь ловащій (собственно у насъ ловащимъ), то мы выдвигаемъ какъ бы извѣстный признакъ, въ будущемъ присущій данному лицу, если-же говоримъ: будешь ловить, то обращаемъ вниманіе на дѣйствіе, энергію подлежащаго.

Говоря о постепенной потерѣ предикативности причастіями, мы должны помнить, что одно изъ причастій, именно прошедшее на лъ, приобрѣло эту предикативность въ самой сильной степени, стало изъяснительнымъ наклоненіемъ. Между тѣмъ первоначально въ ѳ смъ дѣлалъ и пр. было такое же сочетаніе какъ бѣ оуча и пр. Уже въ древне-церк.-славянскихъ текстахъ это причастіе съ вспомогательнымъ глаголомъ не образовывало составного сказуемаго, а уже являлось описательнымъ временемъ.

Потевня наглядно многими примѣрами показываетъ извѣстную предикативную силу, которой обладало въ древности причастіе. Невольно здѣсь приходитъ на мысль, не являлась ли эта доля сказуемости въ силу того, что само причастіе замѣняло первоначальный предикатъ. Можетъ быть, развитіе въ связуемости предложеній заставило прежде всего прибѣгнуть къ помощи причастій. Такимъ образомъ: мѣнить с ѳ и мы, Мѣ. 25 29, (Мар., Зогр.) будетъ дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальнаго: мѣнить с ѳ и мѣть (т. е. имѣть). Причастіе, такимъ образомъ выступаетъ въ роли показателя болѣе тѣсной связи между предложеніями. Особенно характерно, что въ греческомъ *ὁ δοκεῖ εἶχειν*. Изъ сказаннаго намъ будутъ понятны обороты: нѣсть кто милоуѣ, Супр. 41 24 не вѣста с ѳ чего просашта

Мѣ. 20 22, *οὐκ οἶδατε τί αἰτεῖσθε*. Иногда подобнымъ оборотомъ находимъ соотвѣтствіе и въ греческомъ: *εὗρεν τὸ παιδίον βεβλημένον ἐπὶ τὴν κλίβην καὶ τὸ δαυμύνιον ἐξέληλυθός* Мр. 7 30, обрѣте отроковицѣ лежаштѣ на одрѣ и бѣ съ ишѣдѣшь. Мы ожидали бы въ силу этого такого оборота: кого глѣ жтѣ мм члѣвци сжшт а сѣна члѣвчскаго. Но на ряду съ подобнымъ оборотомъ въ Мар. Ев. Мѣ. 16 13, встрѣчается: кого быти (тамъ же 16 15). Весьма вѣроятно, что послѣдній оборотъ употребленъ сообразно съ греческимъ текстомъ.

На 205—231 стр. своего изслѣдованія Потебня даетъ цѣлый рядъ примѣровъ (изъ славянскихъ языковъ, литовскаго и латышскаго яз.) употребленія причастія, какъ сказуемаго придаточнаго предложенія, и анализъ этого употребленія. Эта глава наглядно можетъ показать, какъ развилось наше современное придаточное предложеніе въ сущности изъ одного самостоятельнаго, вродѣ приведеннаго выше примѣра — *нѣсть кто милоу ѡ*.

Вникнувъ въ приводимые Потебней здѣсь многочисленныя примѣры, принявъ во вниманіе высказанное ниже отрицательное отношеніе къ ученію о такъ называемыхъ „сокращенныхъ“ придаточныхъ предложеніяхъ, можно было бы построить цѣлую картину образованія и соотношенія этихъ сокращенныхъ и „полныхъ“ предложеній — совѣмъ, конечно, иную, чѣмъ то находимъ въ современныхъ намъ, даже новаго направленія учебникахъ по русскому синтаксису.

Русской рѣчи, какъ извѣстно, несвойственъ дательный самостоятельный. Лишь путемъ подражанія возникло частое употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ древне-русской письменности. Отголоски этого употребленія мы находимъ въ дальнѣйшемъ времени, напр., у Жуковскаго: и кругомъ взгроможденному морю, видимъ . . . Весьма вѣроятно, что дательный самостоятельный, какъ объяснял Потебня, могъ возникнуть въ пѣкоторыхъ случаяхъ изъ простаго дательнаго падежа съ причастіемъ, но это возникновеніе обусло-

влено опять - таки особымъ свойствомъ причастія, свойствомъ, котораго причастіе въ настоящее время не имѣетъ: большей своей предикативной силой. Принимая за основу возникновенія подобныхъ оборотовъ глагольность причастій, я, въ то же время не склоненъ былъ-бы принять то объясненіе, которое далъ Потебня (ЗЗО) о пути образованія дательнаго „самостоятельнаго“, именно воображаемымъ повтореніемъ одного изъ дательныхъ (не причастія).

Примѣръ, какъ въ вставъ и рече — выраженіе для насъ совершенно невозможное: мы не можемъ сказать: онъ вставшій и сказалъ. Между тѣмъ въ вставъ, играя роль аппозиціи, имѣло долю сказуемости, но именно долю, такимъ образомъ предложеніе: онъ вставшій и сказалъ было возможно именно въ силу нецѣльности строя предложенія. Идя вслѣдъ за прежними воззрѣніями Бу-слаева и Срезневскаго, въ приведенной фразѣ нужно было-бы видѣть два предложенія (въ вставъ есть и рече), но идя за болѣе правильнымъ пониманіемъ Потебни, здѣсь найдемъ предложеніе одно, но какъ-бы распадающееся, не такое цѣльное, какъ наше современное. Союзъ *и* употребленъ для того, чтобы болѣе соединить какъ-бы распадающіяся части предложенія.

Насколько подобные обороты трудно поддавались объясненію и насколько они противорѣчили нашему языковому чувству, указываетъ тотъ, напр., фактъ, что Миклошичъ считалъ *и* въ подобныхъ случаяхъ ошибками переписчиковъ, при чемъ, такимъ образомъ, не принялъ во вниманіе многочисленности подобныхъ ошибокъ (827). Ак. Ягичъ справедливо ставитъ вопросъ, что заставляло-бы переписчиковъ дѣлать подобныя вставки (Beiträge, 70, тамъ-же указаше на то, что Миклошичъ при редакціи текста Несторовой лѣтописи выпускалъ находившіеся союзы въ подобныхъ случаяхъ). Беря примѣры: встаръ и рече; убояся побѣже О легъ; есть церковь . . . стоящи и руководствуясь разбросанными въ разныхъ частяхъ изслѣдованія Потебни

выводами, можно было-бы построить наглядную картину истепенныхъ переходовъ прежняго причастія въ современной нашей рѣчи въ дѣепричастіе, въ самостоятельное сказуемое вмѣстѣ съ другимъ глаголомъ (бывшимъ ранѣе сказуемымъ) или отдѣльно. Въ однихъ случаяхъ бывшее причастіе уже въ древности, очевидно, играло роль аппозиціи, отсюда и его большая самостоятельность и появленіе союза *и*, въ другихъ — оно болѣе примыкало къ сказуемому, при посредствѣ котораго оно примыкало уже къ подлежащему.

Выдвинувъ самостоятельность причастныхъ формъ, Потенбня тѣмъ самымъ подошелъ къ освѣщенію страннаго для насъ оборота „именительный самостоятельный (194 и слѣд.)”

При сравнительномъ анализѣ строя современной и древнерусской рѣчи Потенбня подчеркивалъ развитіе въ современной рѣчи двойкой замѣны прежняго характера причастій въ сторону именную или глагольную, въ виду болѣе рѣзкаго проведенія разницы между именемъ и глаголомъ. Въ настоящее время употребленіе причастія при вполнѣ конкретномъ глаголѣ обращаетъ это причастіе въ аппозицію. Анализъ значенія различныхъ глаголовъ, картина, какъ постепенно терялась конкретность многихъ глаголовъ и что въ силу этого происходило съ предложеніями, представляютъ блестящія страницы въ изслѣдованіи Потенбни. Потенбня подробно выясняетъ разницу между составнымъ сказуемымъ и описательнымъ временемъ, отмѣчая одноактность послѣдняго для сознанія. И вотъ мнѣ думается, что слѣдя за исторіей развитія составнаго сказуемаго, можно прибѣгнуть къ сравненію его съ описательнымъ временемъ именно въ позднѣйшій періодъ его развитія, хотя-бы въ нѣкоторой части — въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголь-сказуемое постепенно теряетъ свою конкретность.

Излагая нѣкоторые взгляды Потенбни, легко въ то же время произвести и сравнительную оцѣнку этихъ взглядовъ съ тѣмъ, что было высказано по тому же поводу Миклошичемъ. Такимъ образомъ можетъ выясниться и сравнительная

цѣнность изслѣдованій того и другого ученаго. Частично можно привлечь воззрѣнія и другихъ изслѣдователей.

Одной изъ лучшихъ иллюстрацій въ усиленіи сказуемости у Потебни является анализъ перехода составнаго сказуемаго съ прилагательнымъ.

Прилагательное въ составномъ сказуемомъ, ранѣе стоявшее въ именительномъ падежѣ, переходило во многихъ случаяхъ либо въ нарѣчіе, либо ставилось въ творительномъ падежѣ (послѣдній появляется и на мѣстѣ вторыхъ падежей — выпительнаго и родительнаго; на стран. 305 и слѣд. выясняется Потебней однородность вторыхъ косвенныхъ падежей со вторымъ именительнымъ). Какъ показываютъ примѣры, приводимые Потебней, при многихъ глаголахъ у насъ уже невозможенъ второй именительный (или вторые косвенные падежи). У Миклошича (727), между тѣмъ, какъ и у Шлейхера (Lit. Gr. 270-1; ср. Буслаевъ § 248, 3), мы находимъ мысль о томъ, что творительный предикативный болѣе древній оборотъ въ данномъ случаѣ и что лишь его остатки удерживаются въ настоящее время. Миклошичъ вообще находилъ, что въ данномъ случаѣ — въ постепенной замѣнѣ древняго творительнаго именительнымъ — славянскіе языки идутъ на встрѣчу основамъ синтаксиса классическихъ языковъ. Этотъ вполне апріорный взглядъ Миклошича о какомъ-то влияніи другихъ языковъ на славянскіе въ данномъ случаѣ совершенно опровергнуть фактическими данными, приводимыми Потебней. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ можно привести еще и то, что говоритъ Ягичъ въ своихъ *Beiträge zur slawischen Syntax* (Wien 1899, 52—53), отрицательно относящійся къ мысли Миклошича; а именно, что изъ славянскихъ языковъ второй именительный особенно употребителенъ въ сербскомъ языкѣ, наименѣе сравнительно съ польскимъ, чешскимъ и русскимъ языками испытавшемъ влияніе западно-европейскихъ языковъ. Само собой напрашивается на умъ и то общее замѣчаніе, которое сдѣлалъ Ягичъ, что если бы творительный падежъ принадлежалъ въ разсматриваемыхъ оборотахъ болѣе на-

чальному періоду, чѣмъ именительный (и вторые косвен. падежи), то онъ былъ бы и болѣе употребителенъ въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ, чего на самомъ дѣлѣ не наблюдается. Разсматриваемый творительный падежъ Потебня называетъ, въ сущности, только условно предикативнымъ. Онъ уже, вопреки Миклошичу, Гатталѣ, Смиту, не считаетъ его, соотвѣтственно своей теоріи, составляющимъ часть сказуемаго, а лишь дополнеіемъ къ послѣднему; въ данномъ случаѣ Потебня сходится съ ранѣе высказаннымъ мнѣніемъ Востокова (Рус. грамм. § 121).

Основная мысль, легшая въ основу изслѣдованія о замѣнѣ второго именительнаго, проникаетъ собой и тѣ страницы изслѣдованія, въ которыхъ Потебня далъ исторію замѣны вторыхъ косвенныхъ падежей. Потебня устанавливаетъ, что вторые косвенные падежи (какъ и второй именительный) тѣсно примыкаютъ къ первымъ косвеннымъ падежамъ, завися, правда, въ то же время и отъ глагола. На сходство и родство вторыхъ падежей косвенныхъ и прямого указываетъ уже и то обстоятельство, что эти падежи часто связывались съ одними и тѣми же глаголами въ разныхъ оборотахъ.

Наблюденія надъ исторически проявлявшейся замѣной въ составномъ сказуемомъ прилагательнаго нарѣчіемъ дали Потебнѣ возможность дать примѣры особенно яркаго укомпактованія прежняго предложенія по направленію къ большей цѣльности и по направленію усиленія сказуемости. Приводимые примѣры можно значительно увеличить тѣми, которые привелъ Овсянко-Куликовскій въ своихъ синтаксическихъ наблюденіяхъ (Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 5, 6—11) и которые шире захватываютъ область другихъ языковъ. Одно изъ яркихъ превращеній прилагательнаго въ нарѣчіе въ составномъ сказуемомъ Потебня указывалъ въ нѣмецкомъ оборотѣ *diese Frau ist schön* и пр., не сходясь такимъ образомъ съ современными ему авторитетами нѣмецкой науки и въ то же время предвосхитя то мнѣніе, которое позже было высказано Паулемъ. Но далеко не всѣ при-

лагательныя въ составномъ сказуемомъ подверглись измѣненію, перейдя въ нарѣчія или творительный предикативный падежъ. На ряду съ этимъ мы видимъ сохраненіе иногда прилагательнаго въ именительномъ падежѣ въ именной формѣ, а иногда, вмѣсто этого древняго оборота, въ формѣ мѣстоименной. Разбираясь въ послѣднихъ случаяхъ, Потенія приходилъ къ тому заключенію, что здѣсь особенно важно значеніе глагола, входящаго въ составное сказуемое; въ такихъ глаголахъ, какъ становиться, казаться и под. нѣтъ такой самостоятельности, цѣльности для мысли, какъ въ глаголахъ: итти и под. И вотъ „чѣмъ менѣе самостоятеленъ глаголъ, тѣмъ менѣе самостоятельно прилагательное“ (177), „безчленное прилагательное, какъ болѣе древнее, чѣмъ членное, тѣмъ самымъ болѣе близко къ хаотическому состоянію мысли въ языкѣ, тѣмъ самымъ есть форма менѣе обособленная, менѣе прилагательная, болѣе близкая къ причастію.“ Въ силу этого безчленное прилагательное является особенно нужнымъ, дабы показать, что оно является результатомъ дѣйствія глагола. „Такая причинная зависимость въ „становится старъ“ не выражена сама по себѣ, тѣмъ не менѣе замѣтно, что въ „старъ“ заключенъ послѣдній моментъ энергіи „становиться“ (177). Мнѣ казалось бы, что здѣсь опять-таки можно было-бы выдвинуть то, что составное сказуемое нѣсколько приближается къ описательному времени. Говоря о „сочетаніи по смыслу,“ вникая въ лексическое значеніе глаголовъ, Потенія открывалъ въ послѣднихъ разряды по своему значенію большей или меньшей энергичности. И вотъ соединяя съ глаголами большей энергичности остатки употребленія именныхъ прилагательныхъ (онъ сдѣлался старъ), какъ непосредственное выраженіе этой энергіи, Потенія отмѣчалъ, что существительныя при многихъ глаголахъ большей энергичности уже должны были ранѣе мѣнять свой падежъ согласуемый на несогласуемый (178—181), и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе наблюдается замѣна, такъ что въ настоящемъ

времени употребленіе творительнаго сдѣлалось въ нашей литературной рѣчи правиломъ; а немногочисленнымъ остаткамъ употребленія именительнаго (при параллельномъ употребленіи творительнаго) языкъ придаетъ уже извѣстный оттѣнокъ значенія (509 и слѣд.). Возникновеніе же творительнаго, а не другого какого-либо падежа, Потебня объяснялъ вліяніемъ близкихъ иногда по смыслу оборотовъ съ творительнымъ образа дѣйствія (499 и слѣд.). Если и здѣсь мы сравнимъ тѣ немногія строки, которыя были посвящены Миклошичемъ объясненію предикативнаго творительнаго (Vergl. Gr. IV, 727) и тщательный подборъ примѣровъ, сдѣланный Потебней, то увидимъ, что заключеніе Потебни гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ болѣе апріорныя мысли Миклошича, что „diese wahre Natur . . . in einer ideellen Bewegung — die auch im Lat. tollere aliquam ad uxorem, afr. eslire à roi und im Deutschen durch den dat. mit zu „zum Bettler werden“ und durch analoge Sätze anderer Sprachen angedeutet erscheint. Правъ былъ ак. Ягичъ, возражая противъ подобной мысли, что въ славянскихъ языкахъ указанная Миклошичемъ черта находитъ себѣ выраженіе въ оборотахъ съ предлогами (Beiträge, 56). На ряду съ этимъ можно отмѣтить, что разъясняя разницу оборотовъ: онъ былъ офицеръ, онъ былъ офицеромъ, Потебня далъ болѣе удовлетворительно объясненіе, чѣмъ объясненіе Миклошича („творит. предикат. означаетъ то, чѣмъ подлежащее становится дѣйствительно или только въ мысли; именительный предикативный — то, что подлежащее есть“ . . . 737). По Потебнѣ, именительный предикативный въ разсматриваемыхъ оборотахъ представляетъ признакъ существенный, мысль сосредоточивается какъ-то болѣе на этомъ признакѣ, чѣмъ въ оборотѣ „былъ офицеромъ,“ гдѣ признакъ выраженъ уже какъ дополненіе, и не мыслится уже въ подлежащемъ.

Критикуя взгляды на неопредѣленное наклоненіе, Бу-
слаева (Буслаевъ считалъ неопредѣленное наклоненіе по

этимологическому образованію существительнымъ отглагольнымъ, гр. § 195) и Некрасова (Некрасовъ называлъ неопредѣленное существительною формою глагола, при чемъ дѣлалъ невозможныя сближенія: честь (читать) и честь, власть — власти, владѣть, печь — печь и пр; въ данныхъ случаяхъ, какъ справедливо указывалъ Потевня (343—4) лишь звуковое совпаденіе), Потевня выдѣляетъ послѣднее, какъ самостоятельную часть рѣчи, болѣе все-же сближая съ глаголомъ. Что неопредѣленное наклоненіе не имя, по Потевнѣ, говоритъ прежде всего то, что оно не является носителемъ субъекта, а само требуетъ такового. Отличаясь отъ *verbum finitum*, оно является съ неопредѣленнымъ лицомъ, является такого рода оглаголиваніемъ имени, назначеніе котораго служить второстепеннымъ зависимымъ сказуемымъ (349).

Въ мысляхъ Потевни, что назначеніе неопредѣленнаго наклоненія служить второстепеннымъ, зависимымъ сказуемымъ, мнѣ думается, сказалось вліяніе нѣсколько недоразвитыхъ и нѣсколько непонятныхъ на первый взглядъ мыслей Штейнталя (*Gram., Logik . . .* 372), что неопредѣленное наклоненіе хотя и не имѣетъ силы образовать предложеніе (*Satzbildende Kraft*), но зато все-же имѣетъ предикативную силу (*Prädicative Kraft*).

Тоже вліяніе мыслей Штейнталя можно отмѣтить па мысли Потевни, что въ неопредѣленномъ наклоненіи лицо неопредѣленное (изъ *Запис., II, 348; Grammatik, Logik . . .* 371).

Въ отдѣлѣ о неопредѣленномъ наклоненіи Потевня въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ идетъ параллельно Л. Шредеру (*Ueber die formelle Unterscheidung der Redetheile im Griechischen und Latein. Leipzig 1874 г.*). У Потевни, впрочемъ, доказательства отдаленности неопредѣленнаго наклоненія отъ существительнаго и близости къ глаголу обставлены лучше и полнѣе. Совершенно справедливыми представляются мнѣ слова Потевни (345 II): „Не смотря

на то, что въ числѣ защитниковъ совершенной номинальности этой формы (т. е. неопред. наклон.) были знаменитыя въ языковѣдѣніи имена (напр., Боппъ), въ настоящее время можно считать рѣшительно и прочно господствующимъ мнѣніе, что инфинитивъ только былъ нѣкогда именемъ, но не остался имъ, или, какъ говорятъ иначе, что онъ есть имя въ этимологическомъ и родъ глагола въ синтаксическомъ отношеніи.“

Древніе грамматики причисляли неопредѣленное наклоненіе то къ глагольнымъ формамъ (въ этомъ случаѣ особенно играло значеніе, присущее неопредѣленному наклоненію, обозначеніе времени и управление глагольное), то считали особой частью рѣчи, то причисляли къ нарѣчіямъ. Противъ послѣдняго въ новое время у насъ возсталъ Добіанъ (Опытъ, 161—2), считая неопредѣленное наклоненіе чистымъ *ρῆμα* (α ἰράζω — εἰς . . . не такимъ чистымъ уже *ρῆμα*).

Мысли Потебни объ исключительной сказуемости неопредѣленнаго наклоненія находили себѣ не безосновательную критику въ статьяхъ проф. Е. Θ. Будде и г. Андреева. Будде (Ж. М. Н. Пр. 93, 231) указывалъ на приближеніе неопредѣленнаго наклоненія къ имени существительному и на легкость превращенія въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ неопредѣленнаго наклоненія въ имя существительное *wissen* — *das Wissen*, *savoir* — *le savoir* и пр. Иногда можно и въ русскомъ провести нѣкоторую аналогію: я хочу знать, я хочу знанія, я люблю путешествовать, путешествія; но не всегда можно провести подобную аналогію: напр. я люблю пѣть, и ѣніе (хотя проф. Будде предполагаетъ возможнымъ пѣтіе, которое-де было въ этомъ случаѣ двузначнымъ). Съ другой стороны у г. Андреева мы находимъ, между прочимъ, указанія на невозможность считать сказуемымъ неопредѣленное наклоненіе въ такихъ случаяхъ, какъ: охотники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ, имѣющій уши слышать да слынить и прочее. Здѣсь, конечно, если брать подобныя выраженія сами по себѣ (безъ

отношенія, какъ они сложились) нельзя конечно говорить и о „второстепенномъ“ сказуемомъ.

Намъ думается, что неопредѣленное наклоненіе (принимая это названіе, конечно, условно) форма въ настоящее время несомнѣнно глагольная, но все же особая среди другихъ глагольныхъ формъ. Съ именемъ существительнымъ ее сближаютъ прежде всего не признаки какого-либо сходства, а нѣкоторыя черты, отсутствующія сравнительно съ другими глагольными формами (каковыхъ чертъ нѣтъ и въ имени существительномъ).

Формы болгарскаго неопредѣленнаго наклоненія, потерявшія окончанія и представляющія изъ себя чистую глагольную тему на гласную, могутъ вполне, думается, подтверждать наше мнѣніе. Окончаніе здѣсь сдѣлалось ненужнымъ, потому что этой формой выражается именно то, что заключается въ глагольной темѣ. Если у насъ удерживаются окончанія ти, ть, чь, то благодаря, можетъ быть, и литературной традиціи, а собственно эти окончанія являются, дѣйствительно ненужными въ нѣкоторыхъ особенно случаяхъ, напр. въ соединеніи вспомогат. глагола + неопр. наклоненіе (ср. напр. малорус. братиму, или серб. — бу.)

III.

Потребнѣ вполне принадлежитъ заслуга выясненія такъ называемыхъ полныхъ и сокращенныхъ придаточныхъ предложений. Многочисленными примѣрами изъ памятниковъ онъ доказалъ, что такъ называемыя сокращенныя придаточныя предложения древнѣе даже полныхъ, слѣдовательно здѣсь ни о какомъ „сокращеніи“ не можетъ быть и рѣчи; затѣмъ, что употреблявшееся въ „сокращенныхъ“ предложенияхъ причастіе не предполагало какого-либо пропуска глагола, а употреблялось самостоятельно въ силу своей прежней предикативности.

Идя вслѣдъ за ученіемъ Потебни, нѣкоторые составители новѣйшихъ учебниковъ по русскому синтаксису вполне справедливо удаляютъ такъ называемое сокращеніе придаточныхъ предложеній (см. напр. учебники С. Н. Брайловскаго — Учебный курсъ русской грамматики литер. русс. языка СПБ. 1904., Д. К. Бренненкова — Курсъ русскаго синтаксиса — Москва 1907; Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — Грамматика русскаго языка, М. 1907.)

Правы, конечно, упомянутые составители учебниковъ, поступая такъ съ пресловутымъ сокращеніемъ, но въ то же время нужно сознаться, что разрушая прежнюю школьную традицію, они не попытались дать ясное представленіе о дѣйствительномъ соотношеніи между „полными“ и „сокращенными“ придаточными предложеніями. Возьмемъ для примѣра учебникъ г. Бренненкова. О такъ называемыхъ придаточныхъ сокращенныхъ предложеніяхъ онъ говоритъ въ отдѣлѣ частей предложенія, при чемъ говоритъ въ примѣчаніяхъ даже не всецѣло своими словами, а прибѣгая къ выдержкамъ изъ Потебни и Овсянико-Куликовскаго (ср. 29—30, 38—40, при чемъ въ примѣчаніи II даже путаница въ разъясненіи разницы во взглядахъ Потебни и Овсянико-Куликовскаго).

Частичный вопросъ, какимъ является вопросъ о „сокращеніи“ придаточныхъ предложеній, можетъ служить яркимъ, типичнымъ доказательствомъ того, какъ трудно задаваться „реформой“ грамматики, если не усвоена сущность самаго научно-новаго теченія и если авторъ не обладаетъ способностью представить результаты новаго въ видѣ доступной цѣльной картины. Невольно появляется вопросъ, что лучше въ педагогическомъ отношеніи: прежняя, хотя и невѣрная постановка и прежнее изложеніе вопроса, или новыя разъясненія, безсистемныя, не особенно ясно представляемыя. Я думаю даже, что не всякій изъ преподавателей, не ознакомившійся лично съ трудами Потебни или Овсянико-Куликовскаго, могъ-бы разобраться въ примѣчаніяхъ, напр.,

учебника г. Брешенкова, не говоря уже, конечно, объ учащихся.

Въ древне-русскихъ памятникахъ есть наглядныя примѣры того, что зависимость между такъ называемыми главными и придаточными предложениями, или лучше назовемъ ихъ самостоятельными и зависимыми, была не такая тѣсная, какъ теперъ. На это уже обратилъ вниманіе Буслаевъ (Грамм. § 268), но особенно рельефно это представлено у Потебни (III 337 и слѣд.)

Послала Псковичи . . . ко князю Ив. Вас . . . которой князь Пскову любь (Пск. Л. I. 222, Потебня III, 339).

Чтобъ они къ тому дни, въ который день. — (Изъ Котошихина, Потебня *ibid*).

Подобныя примѣры показываютъ исторію образованія на первый взглядъ непонятныхъ по согласованію предложій: здѣсь былъ человекъ, котораго ты вчера видѣлъ. Примѣры, приведенные выше, говорятъ о пропускѣ въ придаточномъ предложеніи первоначально стоящаго дополненія — человека. Пропускъ послѣдняго слова сдѣлалъ въ данныхъ сочетаніяхъ предложій то, что они болѣе какъ-бы сростаются, а ранѣе такъ называемое придаточное обладало болѣе самостоятельностью. Бѣльшая самостоятельность придаточныхъ предложеній дѣлала возможнымъ ихъ постановку передъ „главными“.

Котораго князя хочеще и язъ вамъ того дамъ (Пск. I. 222 Потебня III. 345). Котрий чоловік отця своего, матер штитъ, поважае, тому Богъ . . . (Потебня — *ibid* 346). Потебня совершенно правильно отмѣчаетъ (III, 342), что эта препозитивная постановка придаточныхъ предложеній въ данныхъ и подобныхъ случаяхъ была болѣе естественна, такъ какъ содержаніе придаточнаго предложія предшествовало содержанію главнаго. „Намъ кажется (Пот. III 342—3) естественнымъ порядокъ : „я видѣлъ человека, который приходилъ“ . . . и „когда онъ приходилъ“, между тѣмъ, какъ это есть извращеніе первоначальнаго порядка, ради

выраженія подчиненности придаточнаго. Первообразнѣе: „(который, когда) человекъ приходилъ, (и) я (того, его) видѣлъ.“

Если мы согласимся съ тѣмъ общимъ возрѣніемъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ предложенія принимаютъ болѣе компактный видъ, то должны въ вышеприведенныхъ примѣрахъ видѣть образцы очень древняго языка, когда этой компактности не было. Какъ-же теперь согласовать съ этими примѣрами слѣдующія предложенія, которыя такъ же характеризуютъ древніе памятники: Иже бо не видѣвъ тоя радости въ той день, то неиметь вѣры . . . Ту стояху вси, иже отъ Галилеи пришедше . . . (прим., привед. во II ч. изъ Запис. Потевни 207) т. е. когда вмѣсто „изъявительнаго“ наклоненія выступаетъ причастіе. Вѣдь, повидимому, послѣдніе примѣры ужъ показываютъ ббльшую несамостоятельность предложеній съ иже? Здѣсь, конечно, можно выдвинуть на первый планъ предикативность прежнихъ причастій, такъ что тѣ предложенія, которыя намъ кажутся такъ тѣсно примыкающими къ другимъ, ранѣе не представлялись таковыми. Не даромъ же являлась возможность постановки между ними союза и.

Я привелъ изъ матеріала, собраннаго Потевней, лишь 2 примѣра, въ которыхъ наши такъ называемыя опредѣлительныя придаточныя предложенія передаются мѣстоименіями и глаголами въ причастныхъ формахъ вмѣсто изъявительнаго наклоненія. Матеріалъ, собранный Потевней, даетъ возможность представить примѣры и другихъ придаточныхъ предложеній, въ которыхъ также вмѣсто нашего изъявительнаго наклоненія выступаютъ причастія. Напр. такъ называемыя придаточныя дополнительныя: невѣста сѧ, чесо просяща; невѣдѧтъ бо сѧ, чьто творѧще; аште добро твориши, вѣжъ сѧ, кому творѧ; придаточныя подлежащія: нѣсть, кто милоумѧ; небждеть, къто послушаѧ . . . не бысть, кто княжа; — придаточныя обстоятельства мѣста: невѣдяхоу бо, камо бѣжаще;

куда же ходяще путемъ.... не дайте пакости дѣяти отрокомъ....; а друзіи разбѣжались, куда кто поспѣвъ; придаточныя предложенія сравнительныя и изъяснительныя: а како ся нагадавъше вси, тако же съ тобою уладимся; какъ мога, такъ имъ бобра ловити; до приходячи Русь съльбьнойе емлютъ, велико хотячи; убогихъ забывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите;... я отписую до честности твоей, якъ умѣя; придаточныя обстоятельства времени: коли хотяче молитву творити болному, преже глаголи...; якоже внидучи въ градъ.... когда отъимая.... придаточныя условныя: а гдѣ (въ смыслѣ если) будете хотя послали на мое лихо и вамъ тамо отослати...; аще усрѣсти вѣрующе (См. Потебня Изъ записокъ II 205—218).

Я сгруппировалъ данный матеріалъ по извѣстнымъ категоріямъ съ цѣлью нагляднѣе показать, какъ наши придаточныя предложенія передавались причастными формами, при чемъ о какомъ-то сокращеніи ихъ сравнительно съ придаточными „полными“ не могло быть и рѣчи. Здѣсь вопросъ только въ томъ, обладали-ли дѣйствительно эти причастныя формы въ такой степени предикативностью, какъ то имъ приписывалъ Потебня. Если возьмемъ для примѣра предложеніе: невѣдать бо сѧ, чьто твораше, то здѣсь наше изъяснительное наклоненіе появляется, нужно думать, позже, какъ писалъ Потебня вопреки обратному мнѣнію Востокова (II 208); но почему появляется: потому-ли что причастіе теряетъ предикативность или потому, какъ намъ кажется, что причастіе не обладало настолько предикативной силой, чтобы удержать вновь полученную позицію? Если было-бы не такъ, то причастія настоящаго и прошедшаго времени должны были бы постепенно приобрѣсти ту-же предикативную силу, которую приобрѣли II причастія прошедшаго времени, сдѣлавшіяся вполнѣ формами изъяснительнаго наклоненія.

Итакъ, считая ранѣ приведенныя „придаточныя“ предложенія развившимися, отколовшимися отъ *предложешій самостоятельныхъ, считая, что причастіе вмѣстѣ съ тѣмъ получало и извѣстную долю еще большей предикативности, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу вполне согласиться съ мнѣніемъ Потебни о силѣ этой предикативности. Мнѣніе Потебни нашло себѣ также продолжателя въ лицѣ ак. Ягича. Последний уравнивалъ предикативную силу причастія прошедшаго съ той предикативной силой, которую приобрѣли П причастія прошедшаго времени на *лз* послѣ постепеннаго исчезновенія вспомогательнаго глагола (Beitragе 69—70). Но важно было-бы обратить вниманіе на то, какъ получалась предикативная сила причастій на-*лз*; здѣсь было именно постепенное исчезновеніе вспомогательнаго глагола, значеніе этого послѣдняго какъ-бы впитывалось остававшимися причаст. ф. на *лз*, а вѣдь ничего подобнаго не было съ причастіемъ на *з*, *сз*, или причастіемъ настоящаго времени. Иначе мы должны бы и при этихъ причастіяхъ подразумевать пропуски вспомогат. глагола, чего ни Потебня, ни Ягичъ, вопреки прежнимъ мнѣніямъ, не допускаютъ.

И дѣйствительно, такіе примѣры, какъ нѣсть проса, затѣмъ нѣсть кѣто проса и изъ этого еще, въ сущности, одного предложенія путемъ постепеннаго усиленія второй части: нѣсть, кѣто проса, могутъ показать, что въ уже отдѣлившемся придаточномъ предложеніи нѣтъ вспомогательнаго глагола, но онъ былъ тогда лишь, когда причастіе составляло одно цѣлое съ образовавшимся теперь „главнымъ“ предложеніемъ. Причастіе очутилось безъ бывшей опоры, оно начало употребляться вмѣсто уже изъяснительнаго наклоненія, вполне же стать на мѣсто этого послѣдняго ему не удалось. Еще большой вопросъ въ томъ, что не подразумевался-ли иной разъ, когда причастіе являлось въ качествѣ самостоятельнаго сказуемаго, и вспомогательный глаголъ при немъ.

Теперь вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Можно-ли

уподобить наши „сокращенныя“ придаточныя предложенія тѣмъ, которыя я раньше приводилъ, и можно-ли считать послѣднія прототипами, источниками нашихъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеній? На этотъ вопросъ, мнѣ кажется дать положительный отвѣтъ нельзя. Причины тѣ, что въ приведенныхъ мною и подобныхъ примѣрахъ мы не видимъ удержанія причастій, а ихъ замѣну изъяснительнымъ наклоненіемъ (въ такихъ примѣрахъ, какъ не вѣдахъ оу камо бѣ жаще, — замѣна: бѣ жать т. е. неопред. наклоненіемъ). Но эти примѣры могутъ говорить о возможности вліянія па замѣну (на „сокращеніе“) несамостоятельныхъ предложеній со стороны близкихъ оборотовъ, въ которыхъ причастіе или позже дѣепричастіе непосредственно примыкало къ глаголу или подлежащему, входило въ составъ составнаго сказуемаго или было ихъ аппозиціей. Мы находимъ и остатки прежнихъ оборотовъ въ такихъ примѣрахъ: итти куда зря, кто кого смога, тотъ того въ рога; бить чѣмъ попада; малорусс., з кимъ по павни, и нѣк. др. (См. Потебня II, 217.)

Итакъ, извѣстное расчлененіе, выдѣленіе мысли, заключающейся въ глаголѣ предложенія и причастіи, образовавшихъ составное сказуемое, могло повести къ образованію придаточнаго предложенія. Въ этомъ придаточномъ предложеніи, еще очень сильно тяготѣвшемъ къ своему „главному“, въ качествѣ сказуемаго выступало причастіе, при которомъ можетъ быть иной разъ въ началѣ подразумѣвался вспомогательный глаголъ; но въ заключеніе это причастіе замѣнялось изъяснительнымъ наклоненіемъ и образовавшаяся фраза дѣйствительно уже дѣлалась предложеніемъ, хотя и придаточнымъ. Съ другой стороны, прежніе обороты могли и оставаться, давая такъ называемыя наши „сокращенныя“ предложенія.

Что разбираемыя причастія не достигли предикативной силы причастій на — *мъ*, указываетъ и то обстоятельство, что въ славянскихъ языкахъ они допускались въ качествѣ

сказуемыхъ лишь при единствѣ подлежащихъ „главнаго“ и „придаточнаго“ предложеній. Это обстоятельство опять наглядно указываетъ на исторію происхожденія данныхъ оборотовъ. Вполнѣ можно согласиться съ той картиной, которую рисуетъ Потебня въ данномъ случаѣ, сближая разсматриваемые обороты съ предикативно-аттрибутивными и аппозитивными причастіями.

Возьмемъ такое предложеніе: и вѣзратися Андрей невреженъ, съхраненъ Богомъ и молитвою родителъ своихъ (Потебня II, 154). Здѣсь мы видимъ употребленіе причастій въ видѣ аппозицій и данное предложеніе можетъ быть у насъ передано — невредимый и пр., наряду съ этимъ, конечно, можетъ быть передано: будучи невредимъ. . . .

Затѣмъ такой примѣръ: кто ли ее обрѣте прѣслушавъ сие мое . . . да приме гнѣвъ . . . (Потебня *ibid.* 155); здѣсь уже меньшая аппозитивность; у насъ можетъ быть передано: нарушившій, или который нарушилъ, преступилъ. . . .

Подобная аппозитивная постановка причастій давала бѣльшую возможность развиваться въ дальнѣйшемъ придаточнымъ предложеніямъ; причастіе въ данныхъ случаяхъ было дальше отъ сказуемаго, чѣмъ такъ называемое предикативно-аттрибутивное причастіе, и находясь дальше отъ глагола, примыкая болѣе къ подлежащему или дополненію, оно могло скорѣе стать сказуемымъ. Самъ смыслъ предложенія въ данномъ случаѣ указываетъ на бѣльшую самостоятельность аппозитивныхъ причастій предъ причастіями аттрибутивно-предикативными. Но съ другой стороны мы видимъ также, что эти бывшія аппозитивныя причастія, какъ показываетъ современный строй рѣчи (переходъ причастія въ дѣепричастіе), начинаютъ тѣсно примыкать къ глаголу, хотя и сохраняютъ признаки былой собственной глагольности. Сравнивая древне-русскую рѣчь, поскольку она отразилась въ древнихъ народныхъ памятникахъ, съ

современной русской по синтаксическому строю и стремясь схватить разницу съ общей точки зрѣнія, можно уподобить первую древнимъ рисункамъ безъ перспективы: въ нихъ нѣтъ центра, предложенія текутъ другъ за другомъ, эти предложенія раздѣльны, самостоятельны, иногда неоконченныя.

Возьму примѣръ изъ одной древней грамоты:

„А ордынцы и делюи, а тѣ знаютъ своя служба по старинѣ, а земель ихъ не купити . . . А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сѣсти . . . А которые господине слуги иотягли къ дворьскому . . . и мнѣ тѣхъ не примати . . . А прїѣдетъ мой приставъ . . . но тѣ люди . . . ино или срокъ. . . .“

IV.

Общая мысль, которая проходитъ въ III ч. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (Харьковъ 1899) А. А. Потебни, это — бѣльшая функціональная сила существительнаго имени въ прежніе періоды жизни языка. Существительное обладало силой предикативности и атрибутивности. Въ связи съ этимъ стоитъ мысль о паратактичности древней рѣчи. III ч: имѣетъ своей задачей болѣе исторію слова, но сообразно основной точкѣ зрѣнія Потебни, исторія слова или цѣлаго разряда словъ должна быть выведена изъ исторіи языка, исторіи предложенія. Изслѣдуя, анализируя отдѣльныя сочетанія словъ и ряды словъ, Потебня, конечно, выходилъ уже изъ болѣе узкихъ рамокъ синтаксиса. Онъ переходитъ здѣсь не только въ область теоріи поэзіи и прозы, въ область міеа (какъ высказался въ небольшомъ предисловіи издававш. III часть „Изъ записокъ . . .“ г. Харціевъ), но особенно входитъ въ область семасіологіи и здѣсь снова мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ вполне справедливую критику выводовъ Миклопича и нѣк. др. ученыхъ.

Въ общемъ я не поставилъ бы III ч. такъ высоко, какъ I—II: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ данный трудъ лишь детальное развитіе проводимаго въ I—II ч., въ нѣкоторыхъ — поправки частнаго характера къ сказанному въ I—II ч., а представленный новый матеріалъ не даетъ возможности считать вполне убѣдительными нѣкоторые новые выводы Потебни. Само изложеніе носитъ нѣсколько отрывочный характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается какая-то недоговоренность, отсутствіе строгой послѣдовательности. Происходило это и оттого, что окончательной работы авторъ надъ своимъ изслѣдованіемъ не успѣлъ продѣлать, не успѣлъ слить вполне нѣкоторыя части, написанныя въ разное время. Иногда окончательные выводы дѣлаются не какъ итоги разобраннаго матеріала, а какъ-то сами по себѣ (стоитъ сравнить для примѣра стр. 72 и слѣд. 99 и др.) И это неудивительно: стремясь возсоздать далекую перспективу въ прошлой жизни языка, Потебня, естественно, въ качествѣ доказательствъ пользуется нерѣдко логико-психологическими соображеніями. Самъ же языкъ не даетъ возможности привести данныя, которыя бы оправдали эти соображенія. Но все это не можетъ обезцѣнить разсматриваемый трудъ. Потебнѣ и здѣсь удалось вполне войти въ духъ древняго строя языка и отгнать его несходство съ языкомъ современнымъ, удалось намѣтить пути развитія этихъ несходствъ. Наглядно выступаетъ разница въ древнемъ и новомъ строѣ языка. Мы видимъ послѣдовательно проведенное цѣльное воззрѣніе на явленія того и другого строя. Этому воззрѣнію совершенно противорѣчили тѣ частные выводы, которые находимъ у другихъ изслѣдователей, особенно у Буслаева, Миклонича и Попова; поэтому Потебнѣ приходилось раскрывать несостоятельность выводовъ этихъ изслѣдователей. Анализъ матеріала дѣлается Потебнею на почвѣ исторической перспективы. Потебня стремился всячески избавиться отъ тѣхъ взглядовъ на явленія языка, которые образуются у насъ подъ вліяніемъ строя нашей рѣчи. Поэтому то

многіе факты языка, которые объяснялись Буслаевымъ и Миклошичемъ, какъ отступленія отъ нормы, объяснялись Потемней, какъ совершенно естественные результаты, какъ остатки періодовъ предшествовавшихъ. Въ народной рѣчи, какъ и въ древнихъ памятникахъ, много непослѣдовательностей съ точки зрѣнія современнаго литературнаго языка. Раскрыть пути образованія этихъ непослѣдовательностей бываетъ очень трудно, такъ какъ приходится возстановлять уже несуществующіе обороты. Приходится прибѣгать къ творчеству. Глубокое знакомство съ народной поэзіей, особенно малорусской, дало Потемнѣ возможность подойти ближе къ народному міросозерцацію и освѣтить явленія языка, на первый взглядъ совершенно непонятныя. Правда, не все здѣсь является объясненнымъ убѣдительно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ ярко сказывается чисто субъективное освѣщеніе; иной разъ даже можно подмѣтить неправильные пути къ проникновенію въ народное міровоззрѣніе (такъ для показанія того, что качество понимается въ видѣ субстанціи — Потемня, между прочимъ, пользуется философскими разсужденіями древности, что не является, особенно удачнымъ для его выводовъ).

Интересно, что съ первыхъ-же страницъ своего изслѣдованія Потемня уклоняется при опредѣленіи грамматическихъ терминовъ въ область логики, противъ чего онъ такъ вооружался въ I-ой части своего труда. Развѣ даваемая здѣсь опредѣленія существительнаго, какъ грамматическаго названія вещи, установленіе, что грамматическому термину „прилагательное“ соотвѣтствуетъ категория качества или свойства вещи, названіе основнаго свойства глагола дѣйствіемъ, страданіемъ и состояніемъ — не сходны съ опредѣленіями „логической“ школы, также искавшей сближенія грамматическихъ терминовъ съ философскими наименованіями.

Потемня развиваетъ прежде высказанныя мысли о конкретности первоначальнаго имени, разбивая ученіе М. Мюллера объ отвлеченности первоначальныхъ корней. (Того же

касается онъ и при разборѣ книги Вольтера — Розысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ; стр. 634—635). Отвлеченное значеніе, значеніе собирательности основываются на первоначальныхъ конкретныхъ представленіяхъ. Такимъ образомъ, напр., имена, обозначающія собирательность, первоначально употреблялись для обозначенія единичности, а затѣмъ уже начали употребляться для обозначенія множественности. Важно отмѣтить своеобразность первоначальнаго существительнаго, его качественность, поэтому близость къ нашему прилагательному, но въ то же время и субстанціальность. Потебня стремился доказать, что собственно изъ существительнаго подобнаго характера возникаетъ въ дальнѣйшемъ прилагательное, а не наоборотъ, какъ можно было-бы судить, исходя изъ основного пониманія характера первоначальныхъ корней. Поэтому Потебнѣ снова приходится останавливаться на томъ анализѣ первоначальнаго предложенія, который онъ далъ еще въ „Мысли и языкъ.“ Согласованіе прилагательнаго въ родѣ съ существительнымъ Потебня объясняетъ сохраненіемъ въ данномъ случаѣ первоначальной природы прилагательнаго, происшедшаго изъ существительнаго. Къ главѣ, гдѣ объ этомъ трактуется, я бы отнесъ и 3-ю главу приложенія — „грамматическій родъ“, въ которой Потебня является защитникомъ теоріи олицетворенія окружающаго міра.

Какъ я уже сказалъ, Потебня стремится вскрыть прежнее употребленіе имени существительнаго. Выставленный имъ богатый матеріалъ даетъ полное право говорить и объ атрибутивности и извѣстной предикативности именъ существительныхъ, объ усиленіи этихъ свойствъ по мѣрѣ углубленія въ древность. Продѣланный анализъ приводитъ Потебню къ гипотезѣ, нѣсколько отличающейся отъ той, которая выставлена въ I ч. „Изъ Записокъ“ . . . (87 стр.). Дѣло идетъ о первобытномъ имени. Если раньше Потебня смотрѣлъ на него, какъ на причастіе-существительное, то теперь первобытное имя понимается какъ

и м я д ѣ й с т в у ю щ а г о л и ц а, *nomen agentis* (102). Выставлена такимъ образомъ новая гипотеза (самъ Потебня, впрочемъ, выразился, что онъ „дополняетъ“ — 102 — ранѣе высказанное мнѣніе). Гипотеза эта имѣетъ подѣ собою нѣкоторую почву, но все же отъ приведеннаго и анализированнаго матеріала къ ней нужно дѣлать скачки. Насколько изслѣдователемъ овладѣло сдѣланное имъ общеніе, показываютъ наглядно нѣкоторыя частныя объясненія. Такъ, напр., желая непременно доказать построенную градацію: *nomen agentis*, а изъ него *nomen instrumenti*, *nomen actionis*, *acti*, *loci*, Потебня, между прочимъ, говоритъ, что „прозвища дѣтей по крику, шуму и происшедшія отсюда личныя собственныя и отечественныя имена . . . отъ *nom. ag.*, а не *actionis*“ (113). Приводятся примѣры: Крикъ Зуковъ, сынъ Тыртовъ, Зыкъ Мосіевъ, Плакса Томило и др. „Если имена, какъ *ревъ*, продолжаетъ Потебня, остались только какъ *n. action.* и если им. дѣйствія могутъ стать именами лицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобныя имена (*зыкъ*) съ самага начала примыкали къ *nom. actionis*, а не къ болѣе первообразнымъ *n. ag.*“ Правда, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ Потебня представляетъ болѣе или менѣе убѣдительные образцы того, какъ первоначальное *nomen agentis* дало начало *nomen actionis*, *nomen acti* и др. Но конечно, отъ этихъ частныхъ примѣровъ еще далеко до поставленной общей формулировки. Нельзя, въ то же время, не отмѣтить здѣсь очень удачно подмѣченной Потебнею потери нѣкоторыми словами ихъ прежняго значенія какъ *nomina agentis*. Именно въ такихъ словахъ, какъ *ходъ*, *ловъ* и пр., которыя теперь выступаютъ какъ *nomina actionis*, имѣлось значеніе именъ *agentis* и послѣднее подмѣчается на основаніи сохраненія первоначальнаго значенія въ словахъ сложныхъ: *скороходъ*, *звѣроловъ* и пр. Сложныя имена, будучи болѣе ограничены по своему примѣненію, болѣе способны сохранять первоначальный характеръ выраженія.

Весьма вѣроятенъ начерченный путь происхожденія прилагательнаго изъ имени существительнаго. Наше предложеніе „трава зелена“ возводится къ первоначальному типу „трава зелень“. Первоначальное предложеніе строится изъ двухъ существительныхъ, при чемъ построеніе происходитъ въ видѣ сравненія. Для превращенія существительнаго „зелень“ въ прилагательное необходимо постепенное уничтоженіе этого сравненія, постепенное внѣдреніе существит. „зелень“ въ сущ. „трава“, или, какъ формулируетъ Потенія, „нужно стремленіе къ устраненію двойственности въ сужденіи“ . . . (80). Вполнѣ понятнымъ является при предположеніи о происхожденіи имени прилагательнаго изъ существительнаго (или можетъ быть, лучше: при общности ихъ происхожденія) измѣненіе прилагательнаго по родамъ; въ связи съ этимъ Потеніей отмѣчается и согласуемость именъ существительныхъ въ степени уменьшительности и (рѣже) увеличительности.

Предикативная и непосредственная атрибутивность именъ существительныхъ въ современномъ строѣ рѣчи выясняется Потеніею изъ свойствъ нѣкоторыхъ именъ существительныхъ — сохранять память о своихъ прежнихъ предикатахъ и атрибутахъ. Такимъ образомъ, выраженіе: этотъ человекъ рыба, „т. е. плаваетъ, какъ рыба, или нѣмъ, холоденъ, какъ оно понятно въ силу того, что помнятся сочетанія „рыба плаваетъ, рыба нѣма и др.“ (101). Это совершенно убѣдительное объясненіе можетъ показывать намъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со стремленіемъ къ той же экономіи выраженій, такъ какъ кратко и образно выраженное представленіе является несомнѣнно однимъ изъ актовъ этой экономіи. Съ другой стороны, здѣсь, какъ справедливо замѣчалъ Потенія, мы видимъ такимъ образомъ нарушеніе исключительной предикативности *verbi finiti*, нарушеніе ожидаемыхъ при разграниченіи частей рѣчи функций существительныхъ именъ — быть субъектомъ или объектомъ. Нельзя только согласиться со слѣдующей

формулировкой: „На дѣлѣ къ этому (т. е. чтобы быть предикативнымъ и непосредственнымъ атрибутомъ) лишь приближаются существительныя съ забытымъ признакомъ . . . , которыя однако сохраняютъ въ большей или меньшей степени атрибутивность“ Здѣсь не „приближаются“, а выступаютъ въ качествѣ данныхъ атрибутовъ.

Много приводитъ Потебня примѣровъ атрибутивности именъ существительныхъ, но изъ приводимаго матеріала не всегда можно вывести, что эта атрибутивность является непремѣнно остаткомъ древнѣйшаго строя языка. И теперь является полная возможность образовація атрибутивного существительнаго изъ существительнаго являющагося частью предиката (дрянь люди изъ эти люди дрянь, тоже самое товаръ-заваль, надежа-государь, удача добрый молодецъ и пр.). Трудно, поэтому, признать неопровержимость мнѣнія Потебни, что дубъ-столъ не можетъ быть выводимо изъ дубовый столъ: ибо дубовый произведено отъ дубъ, а не наоборотъ“ (174). Последнее совершенно правильно, но въ то же время не мѣшаетъ признать возможность признанія сочетанія дубъ-столъ при существованіи уже прилагательнаго дубовый. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, я не возражаю въ принципѣ противъ доказываемаго Потебнею положенія о ббльшей древности, первоначальности соединенія въ подобномъ видѣ двухъ именъ существительныхъ.

Можно также вполне задаваться вопросомъ; не возникли ли подобныя выраженія, какъ „вечеркомъ зорекъ“, „холодкомъ ніччю“ (175), изъ двухъ самостоятельно стоявшихъ понятій и затѣмъ сблизившихся въ одно представленіе, т. к. и здѣсь одно изъ нихъ выступаетъ въ качествѣ болѣе частнаго, другое — въ смыслѣ болѣе общаго.

Многочисленные примѣры, приведенные Потебнею въ VI главѣ, могутъ ярко иллюстрировать паратактичность древняго строя рѣчи сравнительно съ позднѣйшими періодами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ искусно сопоставленный

материалъ можетъ показывать, какъ тотъ или иной оборотъ изъ паратактическаго дѣлается гипотактическимъ. Въ гипотактическомъ оборотѣ мысль дѣлается болѣе цѣльною, объединяется это тѣмъ, что одно изъ существительныхъ начинается какъ бы входить въ составъ другого. Это внѣдреніе происходитъ постепенно. Считая, что Потебнѣ вполне удалось представить богатый материалъ для доказательства паратактическаго строя древней рѣчи, я, въ то же время, долженъ сказать, что въ нѣкоторыхъ частныхъ объясненіяхъ Потебня врядъ ли былъ правъ. Отмѣчая главную мысль, лежащую въ основѣ VI главы, я тѣмъ самымъ какъ бы отчасти возражаю и противъ заглавія этой главы: „аттрибутивность существительнаго“. Такое заглавіе далеко не отгѣняетъ сущности излагаемаго, при томъ характеръ атрибутивности сохраняется въ существительномъ и въ позднѣйшихъ гипотактическихъ оборотахъ. Для примѣра частныхъ объясненій, которыя нельзя считать вполне убѣдительными, я остановлюсь на слѣдующихъ. Изъ оборота свѣтъ - Русь Потебня выводитъ не только свѣторусскій, но и святорусскій. Послѣднее же слово могло возникнуть и независимо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть измѣнено въ свѣторусскій. Затѣмъ, такой примѣръ: усѣ лѣсочки усѣ рябина усѣ пташки усѣ кукушки (изъ Шейна); по Потебнѣ, первыя „усѣ“ плеонастичны и произошли (для примѣра) въ силу нѣкотораго рода регрессивной ассимиляціи“ (180). Такъ ли это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, если возьмемъ: лѣсочки, усе рябина . . . то увидимъ, безспорно, образецъ одного изъ древнихъ оборотовъ, при чемъ атрибутивность существительнаго здѣсь только относительная: рябина болѣе частное представленіе сравнительно съ лѣсочки (какъ и „кукушки“ по отнош. „пташки“).

Въ связи съ ярко иллюстрированной атрибутивностью былого существительнаго стоитъ у Потебни раскрытіе такъ называемаго *hendyadis*. Оборотъ *εὐ διὰ δουρῶν* считался явленіемъ позднѣйшимъ. Миклошичъ видѣлъ въ подобныхъ

выраженіяхъ, какъ кита и сватови замѣну киѣени сватови. Потевня доказываетъ, наоборотъ, древность этихъ оборотовъ, указывая на довольно частые случаи раздѣленія двухъ словъ соединенныхъ атрибутивно, такъ какъ атрибутъ, выраженный субстантивно, могъ какъ субстанція отдѣляться отъ опредѣляемаго. Единство нашего выраженія замѣняется въ народномъ и особенно въ древнемъ языкѣ двойственностью въ силу особаго міросозерцанія. Двойственность субстанцій высказывается уже въ кита и сватови. Если не совсѣмъ можно согласиться съ приводимой даже параллелизаціей приведеннаго оборота съ оборотами: въ ставъ и рече, то во всякомъ случаѣ въ дальнѣйшихъ словахъ Потевни мы находимъ убѣдительное указаніе на психологическую подкладку hendyadis — медленность процесса мысли и въ связи съ этимъ медленность процесса выраженія. Необходимо было бы такое подчеркнуть, что въ употребленіи плеонастическихъ выраженій въ народной поэзіи не приходится искать какихъ-либо особыхъ оттѣпковъ, а необходимо видѣть требованія пѣсеннаго размѣра, при чемъ, конечно, здѣсь вполне примѣнима приведенная мысль о медленности выраженія воспріятій. Для выясненія hendyadis Потевня указывалъ на раздѣляемость въ такихъ случаяхъ, какъ: я и мое счастье, я и моя доля, при чемъ счастье, доля понимаются, какъ какіе-то „двойники“ человѣка.

Выясненіемъ атрибутивности именъ существительныхъ занимается Потевня въ 1-й гл. Приложенія — „формальные (синтактические) признаки конкретности существительнаго“. Поясненіе слова „формальные“ указываетъ на ту точку зрѣнія, съ которой рассматриваются обороты. Правда, наряду съ этими въ данной главѣ захватываются и другіе вопросы. Отмѣчая уже извѣстное явленіе, что въ славянскихъ языкахъ преобладаетъ сравнительно съ другими родственными языками употребленіе прилагательнаго (тамъ, гдѣ въ греческ. и латин. языкахъ употребляется родительный падежъ принадлежности), Потевня даетъ новые матеріалы,

при чемъ выдвигаетъ широкое значеніе прилагательнаго въ древній періодъ, его отличія въ данномъ случаѣ отъ прилагательнаго въ современной рѣчи (для образца изъ др. ц. сл. яз.: притѣчѣж ножьножъ, т. е. о ножѣ; звѣрьскоужъ смърть, т. е. отъ звѣря; дѣтское лишениіе, т. е. потеря дѣтей; изъ рус. памят.: а дали намъ за дворовое поставлепье и за полевою роспаніку и за поженную росчистку и за изгородное поставленье . . ., 489, 491). Въ двоякой замѣнѣ (посредствомъ прилагательнаго и род. пад. принадлежности) прежняго паратактическаго соединенія гипотактическимъ Потебня видитъ разницу въ томъ, что замѣна прилагательнымъ сохраняетъ болшую конкретность въ обрисованіи содержанія опредѣляемаго (494). Употребленіе прилагательныхъ тамъ, гдѣ мы ставимъ другіе обороты, способствуетъ болше конкретному выдѣленію существительнаго, такъ какъ представляемое отношеніе мыслится, какъ качество даннаго субъекта. Поэтому не одно и то же, если сказать: „отцовскій домъ“, или „домъ отца“. Въ первомъ случаѣ вниманіе сосредоточивается вполне на существительномъ „домъ“, которое благодаря прилагательному „отцовскій“ дѣлается изъ родового видовымъ. Въ послѣднемъ же случаѣ опредѣленіе данной субстанціи происходитъ посредствомъ другой субстанціи. Конкретность древняго языка отмѣчается Потебнею въ выраженіихъ количества. Слѣды этого отмѣчаются теперь въ образномъ выраженіи понятія много и мало посредствомъ людно, ни зги и пр., а въ древнемъ языкѣ въ передачѣ прилагательными: малые люди и ир. Въ новомъ языкѣ въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ уже нарѣчіе. Въ переходѣ малые люди при обозначеніи количества въ мало людей, Потебня видитъ такое же поступательное движеніе языка, какъ при переходѣ вторыхъ согласуемыхъ падежей къ ихъ замѣнамъ. Подобное же поступательное движеніе отмѣчается въ случаяхъ замѣнъ: городское сидѣніе — сидѣнье въ городѣ, въ мое Иваново мѣсто — вмѣсто меня Ивана.

Стремясь выяснитъ разницу между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, какъ грамматическими категоріями, Потебня подробно входитъ въ разсмотрѣніе суффиксовъ. Его выводъ тотъ, что окончательная разница между существительнымъ и прилагательнымъ образовалась съ мѣстоименнымъ склоненіемъ, что до этого нельзя открыть въ суффиксахъ какихъ-либо специфическихъ обозначеній той или другой категоріи, что всматриваясь глубже мы находимъ все большее и большее сходство между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ. Оказывается, разница кроется не во внѣшнемъ обликѣ, а въ значеніи, въ чисто внутреннихъ отношеніяхъ.

Постепенное устраненіе субстанціальности Потебня отмѣчаетъ и на переходѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существительнаго въ предикатъ въ имя прилагательное. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Потебня обнаруживаетъ умѣнье проникнуть въ духъ древняго языка, въ строй древняго міросозерцанія. Отмѣчу, повидимому, частность, но частность очень характерную: прилагательныя типа „дивнѣнъ, обиднѣнъ“, по Потебнѣ, обозначали не только „тотъ, кто удивляетъ“, „тотъ, кого обижаютъ“, но и „тотъ, кто удивляетъ“, „тотъ, кто обижаетъ“. При послѣднемъ значеніи послѣдователенъ былъ переходъ отъ выраженія: нѣкто есть обида къ обидепъ.

Далѣе Потебня вноситъ совершенно новый взглядъ на метонимію, именно на ходъ ея образованія. Принятое пониманіе этого тропа, какъ производной формы, онъ отрицаетъ, и считаетъ метонимію въ ея основѣ формою первообразною. Не останавливаясь на разсмотрѣніи даннаго вопроса, не затрагивая также цѣнныхъ указаній о различеніи значеній прилагательныхъ ранѣе и теперь, а также выясненія постепеннаго хода нѣкоторыхъ измѣненій въ этихъ прилагательныхъ, я остановлюсь лишь на попыткѣ объяснить такія соединенія, какъ: домъ Маріинъ, матере Іоанновы; въ дому Сионовѣ усмаря. Потебня указываетъ здѣсь на то, что

данныя притяжательныя прилагательныя обладали большей конкретностью, чѣмъ, то находимъ у насъ; слѣдовательно, эти прилагательныя были ближе къ существительнымъ и потому облегчалась возможность соединенія съ приведенными приложеніями (последнія относились къ прилагательному, „такъ, какъ если бы на мѣстѣ ихъ стояло существительное“ 522). Трудно согласиться съ подобнымъ объясненіемъ. Если нужно было, чтобы чувствовалось существительное, то незачѣмъ было бы употребленіе прилагательнаго. Естественнѣе было бы объяснить эту непослѣдовательность изъ соединенія двухъ разныхъ оборотовъ: домъ Маріинъ и домъ Маріи, матере . . . Допуская взаимодѣйствіе подобныхъ оборотовъ, мы можемъ говорить, что указанная непослѣдовательность могла существовать и даже иногда расширяться, потому что, говоря Маріинъ, могли при дальпѣйшемъ приложеніи держать въ сознаніи имя существительное Маріи. Зато примѣры, какъ хлѣбъ-соль, отецъ-мать и пр., наглядно выясняются Потебнею, какъ стремленіе представить нѣчто цѣлое, стремленіе обобщить. То же стремленіе къ обобщенію (съ отгнкомъ иногда „идеализаціи въ смыслѣ“, 533) въ такихъ примѣрахъ, какъ калина-малина, гдѣ на первый взглядъ поражаетъ какая-то логическая несообразность“, сопоставленіе несомѣстимыхъ частныхъ“. Иногда сказывается въ подобныхъ соединеніяхъ, какъ скрипка-дудка, выраженіе неопредѣленности. Въ нѣкоторомъ отношеніи продолженіемъ разсмотрѣнной главы является 2-я глава приложенія, въ которой Потебня проводитъ мысль, что сочетаніе синонимовъ дѣлаетъ ярче высказанную мысль, что нѣкоторые современные синонимическіе обороты не были таковыми раньше.

Измѣненіе взгляда Потебни въ анализѣ „битъ небитаго везетъ“, характерно въ томъ отношеніи, что новый взглядъ соответствовалъ тому общему воззрѣнію, которое проводилъ въ III ч. Потебня. То же самое сказывается и въ признаніи Потебнею ошибочности его прежняго сомнѣнія въ томъ,

что „черное“ въ подобномъ выраженіи: „шея у гоголя между плечъ черная, а подлѣ чернаго по обѣ стороны свѣтлосѣрая“ употреблено въ смыслѣ существительнаго (60). Оказывается, что „черное“ употреблено въ смыслѣ „названія конкретной вещи, точнѣе неопредѣляемой“. Безспорно, Потебня иногда впадаетъ въ ту же ошибку, о которой онъ самъ говорить — *ὄστερον-πρότερον*. Такъ, въ примѣрѣ: „нарядила Оксану въ свое жіноче“, конечно, нѣтъ нужды подразумѣвать теперь опущеніе „платья“, „вбрання“, но изъ этого не слѣдуетъ, что жіноче не имѣло ранѣе при себѣ опредѣляемыхъ (именно, можетъ быть, не одно опредѣляемое). Если „жіноче“ выступаетъ теперь въ качествѣ существительнаго, то нельзя утверждать, что слово это не вышло изъ формы прилагательной: вѣдь самъ же Потебня приводитъ прилагательныя, употребляемыя въ качествѣ существительныхъ, при чемъ трудно даже открыть ранѣе бывшія при нихъ опредѣляемыя (напр., за частую и др.).

Нужно помнить также, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ „криво-лукаво! куда побѣжало?“ и пр., т. е. въ загадкахъ, коими пользуется Потебня, нельзя считать, что прилагательное является въ качествѣ существительнаго; нужно имѣть въ виду всегда отвѣтъ, который предполагается загадкой, слѣдовательно — въ основѣ имя существительное. Прилагательное выступаетъ часто въ качествѣ существительнаго, но путь такого новаго существительнаго, судя, конечно, по образованіямъ на нашихъ глазахъ, — возможность пропуска существительнаго и постепенная даже ненужность въ его употребленіи. Далѣе, такія, напр. выраженія, какъ по моему, по Божьему и пр., вовсе не произведены отъ существительныхъ, производныхъ отъ притяжательныхъ и относительныхъ прилагательныхъ: мое, Божье и пр., а подобныя сокращенныя выраженія явились въ силу общаго стремленія къ экономіи выраженія, слѣдовательно здѣсь необходимо предположить пропускъ первоначально употреблявшагося слова (напр. мнѣнію и

пр. и во всякомъ случаѣ, не можетъ подразумѣваться, напримѣръ, значеніе, заключающееся въ понятіи „мое“).

Потебня даетъ такое построеніе постепенности образованія: рѣка Дунай, Дунай-рѣка, Дунай. Потебня приводитъ любопытныя указанія на кн. Большого чертежа (конц. XVI — 1627 г.), гдѣ часто употребляется слово рѣка при чемъ въ первый разъ обозначенія какой-либо рѣки само слово рѣка ставится препозитивно, а при повтореніи постпозитивно (164). Я думаю, что выраженіе Дунай-рѣка могло образоваться не только изъ первоначальнаго рѣка-Дунай, но изъ оборота Дунай—рѣка, т. е. Дунай это рѣка; могло образоваться наконецъ, отъ такихъ оборотовъ: отъ Дуная отъ рѣки. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, врядъ ли можно останавливаться на одномъ оборотѣ, какъ на первоисточникѣ. Изъ приведенныхъ примѣровъ у Потебни мы замѣчаемъ, что повтореніе слова рѣка послѣ того, какъ только что было уже упомянуто это названіе при собственномъ имени, являлось ненужнымъ, и это названіе могло быть употреблено какъ какое-то напоминаніе, подпорка мысли. Та любовь къ предлогамъ въ народной рѣчи, которая обыкновенно отмѣчается, могла быть ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ древнихъ оборотовъ; изъ „на Бунар на воду“ могло получиться „на Бунар воду“, затѣмъ „Бунар-вода“, „на Дунай на рѣку“ — „на Дунай рѣку“ и пр. Потебня отмѣчаетъ, что при равной субстанціальности родового и видового понятій въ такихъ соединеніяхъ, какъ городъ Ливны и др., можетъ возникать такое согласованіе: городъ Ливны стоятъ на рѣкѣ Соснѣ. Трудно думать, что это равенство получалось постепенно и самостоятельно въ подобныхъ оборотахъ. Возможность же подобнаго согласованія объясняется вліяніемъ самостоятельныхъ соединеній: Ливны стоятъ . . .

Потебня приводитъ много любопытныхъ примѣровъ образца церковь Спасъ; церковь Святая Софія,

церкви камена Святая Богородица и пр. Мы видимъ обороты и такого рода: Дирови могила за Святою Ориною и пр., т. е. опускается названіе церковъ. Безспорно, во всѣхъ этихъ и подобныхъ примѣрахъ мы видимъ паратактическое соединеніе, столь несвойственное нашему строю рѣчи. Мнѣ думается, что приводимый въ данномъ случаѣ матеріалъ могъ бы быть сближенъ съ примѣрами рѣка Дунай и др.: при наличности въ сознаниіи того, къ чему примѣняется названія „Святая Богородица . . .“ ненужно было упоминаніе: церковь, монастырь. При объясненіи данныхъ оборотовъ Потеня исходилъ изъ примѣровъ древне-индус. языка, изъ котораго особенно выдвигалъ такіе примѣры, какъ: раздавлены ногами слонами (209, ср. 207). Я бы выдвинулъ при объясненіи различныхъ паратактическихъ соединеній, сразу для насъ непонятныхъ, пропускъ предлоговъ. Такъ, напр.: удари грѣмъ вельми сильно в маковицу святаго Θεодора церковь и зажже — необходимо, думается, подразумѣвать пропущенное въ передъ святаго . . . церковь. То же, напр.: ѣхати . . . къ верху рѣчкамъ Ливнамъ — пропускъ предлога къ. Въ другихъ примѣрахъ, извлеченныхъ Потенею изъ разныхъ памятниковъ, мы и видимъ употребленіе вторыхъ предлоговъ. Въ данномъ случаѣ противоположно мнѣніе Потенни (ср. 234).

Дѣлая подобныя возраженія, я въ то же время долженъ отгнать безспорно тонко подмѣченный и въ данныхъ процессъ оборотахъ исчезновенія ранѣе бывшей паратактичности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прежде бывшее атрибутивное существительное не переходитъ въ имя прилагательное, а инымъ путемъ нѣсколько лишается своей субстанціальности, что необходимо было для болынаго выдѣленія опредѣляемаго имени существительнаго, выдѣленія, которое было результатомъ постепеннаго перехода къ гипотактичности. Въ выраженіяхъ: „Дунай-рѣка“, „Дунай-рѣки“ и пр. мы видимъ переходъ атрибутивнаго имени въ несклоняемую

часть. Немудрено, поэтому, что Потебня выдѣляетъ значеніе въ потери субстанціальности бывшаго атрибутивнаго имени мѣсто его постановки и отмѣчаетъ значеніе мѣста постановки и въ другихъ случаяхъ.

Вмѣсто образца множество злато (247) я бы поставилъ злато множество, потому что первоначально являются такіе обороты: и приспѣ къ нимъ дружина вся многое множество а конѣ и оружье многое множество , затѣмъ уже является: множество злато и серебро. Съ образцомъ множество злато (или лучше, какъ сказано, злато множество) я бы соединилъ образецъ деньги часть (250). Какъ къ первому, такъ и второму вполне могутъ быть отнесены слова Потебни: „Препозитивность имени дѣлимаго, измѣряемаго здѣсь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (указываетъ на то), что мысль сначала останавливается на болѣе близкомъ непосредственному воспріятію, потомъ переходитъ къ его количественному отношенію: „заложилъ стѣну (сразу видно, что это стѣна; но лишь дальнѣйшія соображенія показываютъ, что они заложили стѣну) свою третью“. Только въ пояснительныхъ словахъ, поставленныхъ въ скобкахъ, мнѣ думается, вкралось недоразумѣніе: дальнѣйшія соображенія должны говорить именно о количественномъ отношеніи, должны выставить обозначеніе трети.

Потебня ставитъ вопросъ, существовало ли сочетаніе пять хлѣби, пяти хлѣбы соответственно образцамъ множество злато, стадо овци, и отвѣчаетъ утвердительно, объясняя отсутствіе подобныхъ формъ въ письменности тѣмъ, что въ данномъ случаѣ подобныя формы не были пропущены въ письменность благодаря ея „олигархической односторонности“ (261). Но это не объясненіе. Необходимо принять во вниманіе, что паратактическія данныя разныхъ памятниковъ лишь остатки прежняго и къ тому времени, когда сохранялись эти остатки въ однихъ

сочетаніяхъ, въ другихъ они могли исчезнуть и въ народныхъ говорахъ.

Благодаря правильно поставленному и разрѣшенному общему вопросу у Потебни получается правильное разрѣшеніе различныхъ частныхъ вопросовъ, относительно которыхъ другіе изслѣдователи давали иные отвѣты. Такъ, напр., возьмемъ обороты древн. памятниковъ: къ тому половинѣ селу . . . , въ томъ половинѣ селѣ Покровскомъ. Буславевъ относилъ „тому“ къ „половинѣ“, при чемъ послѣднее слово, по его мнѣнію, уподоблялось въ родѣ „селу“. Съ подобнымъ объясненіемъ Потебня вполне правильно не соглашается. „Оборотъ“ къ тому половинѣ селу“, замѣчаетъ Потебня (252), предполагаетъ „къ тому селу (къ) половинѣ (его)“ и также не указываетъ на измѣненіе рода существительнаго половина, какъ оборотъ „къ той половинѣ селу“ не указываетъ на измѣненіе рода въ село. Постановка имени части передъ именемъ дѣлимаго направлена къ объединенію мысли, къ устраненію двойственности субстанціи (какъ препозитивность родительн. принадлежности „помѣщика его Ларіона Сатина по земли“), на еще далека отъ этой цѣли, которая достигается въ оборотахъ, какъ „въ томъ полу-селѣ“

Отмѣчая различнаго рода паратактическія соединенія, Потебня стремится показать въ то же время ихъ основную разницу. Такъ, напр., церковь Спасъ и под., люди мужескъ полъ и под. онъ отличаетъ отъ об.: шуба сукно малиново и под. Паратактическимъ соединеніемъ вполне соотвѣтствовалъ и взглядъ на то, что соединяются отдѣльныя самостоятельныя части (хотя и неодинаковаго объема). Какъ не было связи въ выраженіи, такъ не было ея и въ міросозерцаніи. Въ то же время паратактическіе обороты отмѣчаются и въ нашей рѣчи. Возьмемъ хотя бы такой примѣръ, который приводится Потебнею (254): деньги пять рублей. Правда, подобная фраза употребляется

теперь лишь въ томъ случаѣ, если объемъ понятій одипаковъ. Изъ отсутствія твердой связи въ выраженіи вытекала и отмѣченная уже непослѣдовательность. Въ этой непослѣдовательности причина тѣхъ несогласованій приложенія въ падежѣ съ опредѣляемымъ, о чемъ говоритъ Потебня въ VII главѣ. Потебня выдвигаетъ здѣсь, какъ причину несогласованія, вліяніе одного оборота на другой. Такъ, напр., оборотъ : Іюдкою зовутъ Григорьевъ необходимо объяснять вліяніемъ оборота, въ которомъ слова Іюдка и Григорьевъ выступаютъ въ именительномъ падежѣ. Вотъ впрочемъ, какъ говоритъ по этому поводу Потебня. „Первоначальное возникновеніе этого несогласованія можно представить себѣ какъ сдѣлку между двумя актами мысли : мыслью „заднею“ предыдущею, съ согласованіемъ въ именительномъ : „Михайло Казарянинъ“, и мыслью послѣдующею, которая преобразуетъ опредѣляемое, согласно съ новыми своими требованіями, но не въ силахъ подчинить тому же плану опредѣлительное : „зовутъ меня Михайло Казарянинъ“ (Изъ зап. ²¹⁰¹). Затѣмъ эти послѣдніе обороты могутъ строиться по готовому образцу.“ (288).

Если мышленіе не привыкло еще къ сосредоточенности, сжатости, то неудивительно, что отдѣльныя части получаютъ значеніе чуть не самостоятельныхъ предложеній. Легка поэтому возможность перехода приложений въ предложенія. И вотъ въ IX главѣ, оспаривая неправильные взгляды Буслаева и Попова, Потебня совершенно ясно устанавливаетъ возможность подобныхъ переходовъ. Въ оборотѣ „на иву, вверху суковата“, гдѣ — непослѣдовательное паратактическое соединеніе, приложение постепенно начинаетъ пріобрѣтать самостоятельность, эта самостоятельность усиливается съ прибавленіемъ, напр., она : на иву, она вверху суковата. Эти, однако, прибавленія являются уже какъ слѣдствіе пріобрѣтенной самостоятельности, слѣдствіе того, какъ выражался Потебня, что „вверху суковата“ чувствовалось какъ выраженіе глагольное. „Нѣкоторые изъ приведенныхъ

примѣровъ, замѣчаетъ Потебня, показываютъ, что оба пониманія разсматриваемаго оборота могутъ совмѣщаться въ одномъ говорящемъ. Тотъ, кто сказалъ „шубу кумачь турской“ (безглагольно), могъ и продолжать въ томъ же родѣ: „пугвицы серебряны“; но удалившись отъ опредѣляемаго, онъ превратилъ приложеніе въ предложеніе: „на ней п. серебр.“ Невѣрно мнѣніе Попова, будто такія прибавки („на ней“) рѣдки, и что онѣ рѣдки потому, что ими „еще болѣе нарушается стройность рѣчи“. . . . Стройность есть и въ паратактичности. При томъ, разъ приложеніе почувствовано, какъ предложеніе, никакая новая нестройность (если нестройность была и прежде) не будетъ внесена въ него болѣе явственнымъ выраженіемъ его отношенія къ опредѣляемому“ (321). Приводимымъ матеріаломъ Потебня вполне удачно опровергаетъ слишкомъ поспѣшно высказанную мысль Ѡ. Е. Коршемъ (Способы относительнаго подчин., 47 и слѣд.) о несвойственности славянскимъ языкомъ придаточныхъ предложеній безъ относительнаго мѣстоименія или союза. Мы видимъ также, что чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ болѣе усиливается самостоятельность придаточныхъ предложеній. Въ связи съ этой самостоятельностью стоитъ выдвигаемый Потебнею въ X гл. болѣе естественный порядокъ придаточныхъ предложеній — ихъ препозитивная постановка.

Мнѣ кажется, что Потебнѣ удалось ярко нарисовать картину постепеннаго образованія и развитія придаточныхъ предложеній. Мы видимъ, что въ образованіи этихъ послѣднихъ имѣло значеніе то же общее начало, которое отмѣчено и въ другихъ случаяхъ — постепенный переходъ отъ паратактическаго построенія рѣчи въ рѣчь гипотактическую. Несомнѣнна та большая свобода, отмѣчаемая Потебнею, которою пользовались первоначальныя придаточныя предложенія, это выходило изъ того же паратактическаго соединенія.

Нельзя не согласиться съ Потебнею также относительно

объясненія такихъ оборотовъ, какъ „туръ золотые рога“ : Потебня въ противоположность Буслаеву не видѣлъ здѣсь сокращенія изъ: „туръ, у котораго золотые рога“, а наоборотъ, это послѣднее выраженіе выводилъ изъ предыдущаго, говоря и здѣсь о постепенномъ образованіи придаточнаго предложенія изъ приложенія благодаря внесенію глагольности.

Подъ предикативностью существительнаго Потебня подразумѣвалъ, какъ оказывается, не то, что существительное можетъ быть сказуемымъ, „а то, что въ старинномъ языкѣ (и въ новомъ какъ архаизмъ) существительное съ глаголомъ общаго значенія (быть, стать, жить и нѣкот. др.) стоитъ тамъ, гдѣ въ новомъ языкѣ одно глагольное сказуемое“ (351). Въ дальнѣйшемъ, дѣйствительно, Потебня приводитъ довольно много примѣровъ, изъ которыхъ видно, что часто тамъ, гдѣ теперь мы видимъ простой глаголъ, ранѣе стояло существительное съ глаголомъ. Но вѣдь здѣсь оно постепенно стало болѣе „предикативнымъ“ : необходимо вѣдь обратить и на то вниманіе, что глаголы общаго значенія не были таковыми ранѣе, а въ старинномъ языкѣ подобные обороты являются остаткомъ древности. Необходимо обратить вниманіе и на то, что въ образцѣ: сюда я больне не ѣздокъ — ѣздокъ имѣеть соотвѣтствующіе глаголы (какъ и въ другихъ случаяхъ, при чемъ приводимыя имена существительныя и по образов. своему не могутъ быть признаны первообразнѣе соотвѣтствующихъ глаголовъ, напр., оберегатель, досадитель и др.). Затѣмъ въ такихъ случаяхъ, какъ: жалоба моя (т. е. есть) = я жалуюсь, гдѣ исчезаетъ какъ бы само сказуемое въ силу общности своего значенія, то это опять результатъ позднѣйшихъ періодовъ языка. Въ указанномъ образцѣ: „не ѣздокъ.“ . . . необходимо при сложеніи данныхъ стариннаго и новаго языка, можетъ быть, больше, чѣмъ сдѣлано то Потебней, войти въ выясненіе черты сохранившейся особенно въ современной рѣчи при выраженіи сказуемаго посредствомъ имени съ глаголомъ — обозначенія чего-то бо-

лѣе постояннаго. Если эта черта является особенно характерной для современныхъ оборотовъ, если она характеризуетъ собою и многіе обороты стариннаго языка, то вѣдь съ этой чертой вносится нѣчто противоположное основному свойству глагола, а свойственное имени.

Соотвѣтственно проводимой общей точкѣ зрѣнія о предикативности существительнаго Потебня объясняетъ подобные обороты, какъ: Псковское взятіе, какъ взятъ и (т. е. Псковъ) князь Великій Василиій Ивановичъ такимъ образомъ: сначала вполнѣ удовлетворяло одно выраженіе „Псковское взятіе“, такъ какъ чувствовалась предикативность существительнаго, затѣмъ эта предикативность мало по малу исчезаетъ и вотъ для восполненія этой исчезающей предикативности появляется слѣдующее глагольное выраженіе. Такимъ образомъ думалъ Потебня устранить тавтологичность подобныхъ оборотовъ. На самомъ дѣлѣ, то объясненіе, которое давали раньше, что здѣсь заключается поясненіе мысли, мнѣ кажется вѣрнѣе. И при послѣднемъ объясненіи здѣсь нѣтъ тавтологіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а необходимое ограниченіе. Такіе обороты можно уподобить нанимъ заголовкамъ съ подзаголовками. Послѣднее сравненіе можно примѣнить и къ другимъ примѣрамъ, приводимымъ Потебнею, относительно которыхъ уже никоимъ образомъ нельзя говорить о потерѣ прежней предикативности поясняемыхъ существительныхъ. Вотъ, напр.: а помнилъ бы еси, отче свой обѣтъ, какъ ся еси обѣщаль по своемъ постановленьѣ; уложилъ Князь В. Иванъ Васильевичъ . . . о судѣ, како судити бояромъ и окольничимъ. . . . Насколько трудно было Потебнѣ примѣнить проводимую точку зрѣнія, указываютъ особенно такіе примѣры: о дружкѣ, како ходитъ царя спрашивать о здоровьѣ (397, изъ Котонихинъ). Здѣсь Потебнѣ являлась уже необходимость предполагать вставку „о хожденъѣ“, такимъ образомъ строить фразу такъ: о дружкѣ о хожденъѣ. . . .

Если Потевнѣ удалось собрать большой матеріалъ примѣровъ, въ которыхъ мы видимъ, что сила мысли сосредоточивается на имени, то это не значитъ, что на имени сосредоточена предикативность. Нѣтъ доказательства послѣдняго и въ томъ, если вмѣсто прежнихъ примѣровъ съ сосредоточеніемъ мысли на имени у насъ выступаютъ примѣры съ сосредоточеніемъ мысли на глаголѣ. Необходимо, какъ я уже сказалъ, обратить вниманіе на то, что ранѣе мышленіе было болѣе субстанціально. Если мы согласимся съ Потевнею, что не только качество, но и дѣйствіе мыслились субстанціально, то все же при соединеніи двухъ именъ требовалось еще что-то для обозначенія предикативности. Если мы возьмемъ примѣры, приводимые Потевнею не только изъ русскихъ памятниковъ, но изъ санскрита, изъ языка латынскаго, то во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ присутствуетъ или подразумевается тотъ глаголь „общаго“ значенія, который является необходимымъ для построенія предложенія. Какъ я отмѣтилъ, правъ былъ Потевня, что въ древнемъ языкѣ не было присвоено составному сказуемому съ пошеи *agentis* непремѣнно выраженія постояннаго качества (хотя это часто бывало и въ древнемъ языкѣ), тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ примѣрахъ, приводимыхъ изъ древнихъ памятниковъ, иногда съ увѣренностью нельзя опредѣлить, не выражается ли въ нихъ болѣе постоянное дѣйствіе, чѣмъ то кажется на первый взглядъ. Затѣмъ, возьмемъ такой примѣръ: чтобъ государи его пожаловали, то его подмосковное помѣстье велѣли ему продать въ вотчину... а впредь де онъ о подмосковномъ помѣсѣѣ не челобитчикъ. Послѣднее выраженіе Потевня замѣняетъ: не будетъ просить. Между тѣмъ здѣсь необходимо считаться съ характеромъ приказнаго стиля, и теперь руководствуясь канцелярскими рамками можно было бы употребить: „не проситель“. Другой примѣръ: тотъ король Додонъ будетъ нашему граду здержатель и отъ всѣхъ странъ оберегатель (тамъ же стр. 359). Здѣсь и въ настоящее время можно подставить: „защитникъ“.

V.

XII глава „Изъ занисокъ“ . . . представляетъ собою цѣнное изслѣдованіе вопроса о безсубъектныхъ предложеніяхъ. Я останавливаюсь на этой главѣ спеціально, желая указать такимъ образомъ, что изслѣдованіе Потебни въ данномъ случаѣ можетъ быть признано одной изъ лучшихъ работъ.

Основная точка зрѣнія Потебни видна уже изъ заглавія XII главы — „устраненіе подлежащаго.“ Потебня, исходя изъ основъ міросозерцанія, говоритъ о необходимости предположенія первоначальности субъектныхъ оборотовъ, изъ которыхъ постепенно образовались обороты безсубъектные. Въ послѣднихъ онъ видѣлъ эволюцію мысли, признаки новой стадіи развитія мысли. Какъ я уже ранѣе сказалъ, Потебня стремился показать въ исторіи языка постепенную потерю субстанціальности, а безсубъектность оборотовъ является въ данномъ случаѣ уже извѣстнымъ завершешемъ. При разборѣ отдѣльныхъ образцовъ, подводя къ нимъ богатый матеріалъ, выбранный преимущественно изъ русскихъ памятниковъ, Потебня стремился показать, какъ эти образцы безсубъектныхъ оборотовъ возникли изъ оборотовъ субъектныхъ. Правда, нельзя сказать, чтобы Потебнѣ удалось для всѣхъ образцовъ возстановить субъектные обороты, а также, что всѣ возстановляемые обороты были бы убѣдительны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это стремленіе Потебни вполнѣ увѣнчалось успѣхомъ. Потебнѣ приходилось прибѣгать къ построенію гипотетическихъ звеньевъ въ переходѣ одного оборота къ другому гипотетически строить обороты первоначальные. Въ послѣднемъ случаѣ иногда и была полная неубѣдительность, чисто субъективное освѣщеніе. Иное дѣло, если бы здѣсь Потебнѣ удалось дать какое-либо фактическое подкрѣпленіе изъ памятниковъ, но это оказывалось невозможнымъ. Но все это не разрушаетъ того общаго освѣщенія исторіи развитія данныхъ оборотовъ, которое находимъ у Потебни. Все это не

мѣняетъ также сказать, что интересъ XII главы заключается въ анализѣ отдѣльныхъ безсубъектныхъ оборотовъ.

Если мы согласимся съ тѣмъ, что въ начальныя періоды образованія и развитія языка господствовало субстанціальное мышленіе, если мы примемъ во вниманіе вообще міровоззрѣніе древняго человѣка, видѣвшаго въ явленіяхъ природы проявленіе добрыхъ и злыхъ духовъ, то памъ станетъ понятною точка зрѣнія, отрицающая возможность появленія безсубъектныхъ предложеній въ эти древнѣйшія стадіи исторіи языка. Если субстанціальность начала мало-по-малу въ нѣкоторыхъ оборотахъ стираться, явилась возможность развитія другихъ грамматическихъ категорій. Что могло вліять на забвеніе субъекта въ предложеніи? На это мы находимъ вполнѣ удовлетворительныя отвѣты у Потебни. Иногда при обозначеніи грозныхъ явленій природы человѣкъ прямо-таки боялся назвать демоническое существо, иногда причина того или другаго явленія оставались неизвѣстною. Затѣмъ, въ періодъ болѣе трезваго мышленія прежній мифическій дѣятель не могъ уже считаться за таковой, оставалось отъ этого дѣятеля только названіе, безъ прежняго содержанія, и получалась такимъ образомъ опять возможность перехода къ оборотамъ безсубъектнымъ. Здѣсь же нельзя не отмѣтить выдвинутыхъ Потебнею сравненій особенно отрицательныхъ, которыя, безспорно, ведутъ къ неопредѣленности субъекта (ср. 411—13 и сл.).

Иногда, какъ справедливо замѣчаетъ Потебня (417), контекстъ даетъ возможность возстановить подлежащее на первый взглядъ безсубъектнаго предложенія. „А тѣхъ человѣкъ 7, которыхъ молнія опалила, 4 человѣка отволочили, а три человѣка таки до смерти заразило“ (изъ Пск. Л. I, 235). Подобныя примѣры важны и въ томъ отношеніи, что они являются предшественниками оборотовъ: туча ровъ учинило. Послѣдній образецъ Потебня разбираетъ нѣсколько дальше (441 и сл.) и считаетъ его переходнымъ типомъ отъ оборотовъ субъектныхъ къ безсубъектнымъ. Здѣсь, мнѣ

кажется, еще большой вопросъ, образовались ли подобныя обороты, какъ переходныя ступени къ оборотамъ безсубъектнымъ. Мнѣ, напр., кажется, что подобныя обороты образовались подѣ влияніемъ уже существовавшихъ оборотовъ безсубъектныхъ. Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, была сдѣлка между оборотами: туча учинила... несла — тучей учинило... снесло. Въ такихъ примѣрахъ, какъ: тогда побил морозомъ рожь... и съ того году стало гладь — первоначальная постановка сказуемаго, отдѣленнаго рядомъ словъ отъ подлежащаго, опять-таки могла способствовать проникновенію уже существовавшихъ безсубъектныхъ оборотовъ, могла способствовать вообще постановкѣ средняго рода. Иногда постановка подобной формы вызывается дальнѣйшимъ перечисленіемъ: мѣсяца ноября...! горѣло... мостъ да опечекъ. Да той же зимы згорѣло трапеза... Въ послѣднемъ предложеніи „згорѣло“, очевидно, подѣ влияніемъ предыдущаго „горѣло“. Въ примѣрѣ: да съ нимъ понло осталой его товаръ: 17 фунтовъ шелку да 10 аршинъ выбойки (442, изъ Ак. до Ю. Б. II, 330, 1684 г.) мы видимъ согласованіе не съ товаръ, а, очевидно, съ послѣдующимъ перечисленіемъ. Вообще въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ показываетъ собранный Потемнею матеріалъ, мы наглядно видимъ переходъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектныя. Другой вопросъ, какъ это происходило. Для разрѣшенія этого вопроса не все сдѣлано Потемнею, какъ не сдѣлано и другими изслѣдователями. Иногда въ такихъ переходахъ нельзя отыскивать внутреннихъ причинъ. Напримѣръ, въ приведенномъ у Потемни (изъ Каликъ Перех. I, 310):

не чудо тамъ сочудилося

а се проява проявилоса...

нельзя не видѣть (только) вліянія стиха.

Безспорно, нагляднымъ примѣромъ перехода оборотовъ субъектныхъ въ безсубъектныя являются случаи, когда мы можемъ констатировать переходъ бывшихъ подлежащихъ въ особыя нарѣчныя выраженія. Одинъ и тотъ же примѣръ

иногда можетъ быть поставленъ въ субъектномъ или безсубъектномъ выраженіи. Особенно наглядно это сказывается въ оборотахъ, къ которымъ можно примѣнить вопросъ ; „сколько“. Такъ, напр. : пришли три челоѡѡка и пришло три челоѡѡка. Потебня отмѣчаетъ, что подлежащее благодаря внесенію значенія количественности теряетъ постепенно свою субстанціальность.

Нельзя не признать того критическаго замѣчанія, которое находимъ у Потебни, относительно мнѣнія Миклошича объ оборотахъ типа „пять шло“. Потебня считаетъ оборотъ „пять ихъ шло“ безсубъектнымъ, при чемъ бывшее подлежащее пять уже не принимается „за субстанцію производящую дѣйствіе“ (452). Распространенію здѣсь безсубъектности могло содѣйствовать отсутствіе согласованія съ числительными : „пять ихъ...“ „два сизыхъ голубя...“ пр.

Потебня предполагалъ, что первоначальными оборотами являются : громъ гремитъ (для гремитъ), стукъ стучитъ (для стучитъ) и пр. Онъ возражаетъ противъ необходимости подразумѣвать въ оборотѣ „гремитъ“ и под. первоначально стоявшее будто бы имя божества (признавая, впрочемъ, для нѣкоторыхъ оборотовъ возможность послѣдняго). Съ этимъ можно согласиться, зато ни въ коемъ случаѣ нельзя признать естественности подобныхъ построеній : чудится изъ чудо чудитъ чудо и пр. под. (422). Кромѣ того необходимо добавить, что не изъ всякаго приводимаго субъектнаго оборота могъ возникнуть сходный оборотъ безсубъектный. Такимъ образомъ подборъ къ безсубъектнымъ оборотамъ сходныхъ субъектныхъ еще, конечно, ничего не говоритъ. Изъ того, что въ сербскомъ : санак иде уз улицу нельзя сказать, что въ основѣ „снится“ лежитъ опущенное слово „сонъ“, при чемъ строится подобная первоначальная фраза : сонъ снить сонъ.

Если предполагаемое выраженіе : „сонъ снить сонъ“ можетъ поражать на первый взглядъ своей искусственностью, можетъ показаться даже какой-то совершенно ненужной,

выдумкою, то этотъ же примѣръ получить совсѣмъ иное освѣщеніе, если мы поставимъ его въ связь со всей развитой теоріей Потебнею.

Эволюція языка идетъ отъ постепенной потери субстанціальности къ возрастанію предикативности. Если изъ первоначальнаго: „язва язвила“ черезъ посредствующее выраженіе „язва язвило“ вырабатывается „язвило“, то послѣдовательно предположить пропускъ и въ предполагаемомъ оборотѣ „сонъ снилъ“ подлежащаго „сонъ.“ Вопросъ представляется, какъ же объяснить форму „снилось“ именно ея возвратность? Эта форма также находитъ себѣ объясненіе въ ослабленіи субстанціальности, но только въ дополненіи, въ объектѣ. Если мы не можемъ согласиться въ примѣненіи всего этого при объясненіи разбираемаго выраженія, то должны отгнѣннть слѣдующее. Предположеніе о первоначальной постановкѣ въ приведенномъ случаѣ „сонъ“ въ качествѣ дополненія связывается у Потебни съ мыслью о первоначальности подобныхъ построеній: „думать думу“, „скокъ скочить“ и пр., связывается вообще съ теоріей о большей древности построеній фразъ: имѣть разговоръ вм. разговаривать, поѣздку чинить и пр. Такимъ образомъ проводится мысль, что такъ называемый „внутренній объектъ“ является остаткомъ ранѣе вполне обычныхъ оборотовъ, а не является какимъ-то усиленіемъ выраженія, выработаннымъ сравнительно новымъ временемъ. Если это такъ, то дѣлается вполне понятнымъ, почему нѣкоторые наши такъ называемые непереходные глаголы соединяются съ винительнымъ падежомъ.

Говоря о постепенномъ исчезновеніи объекта въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ объ ослабленіи его значенія, Потебня такимъ образомъ проводитъ ту же мысль о постепенномъ ослабленіи субстанціальности и усиленіи сказуемости.

Стремленіе уравнивать оборотъ „говорится“ — *man spricht* со страдательными оборотами: *не пройдено, бито, пито* и пр. по отсутствію отгнѣнка, сказывающагося въ *man*, не-

вполнѣ удается. Потební (ср. примѣры, приводимые имъ на стр. 438, гдѣ безличность оборота — по формѣ — совмѣщается съ указаніемъ дѣятеля: у дороднаго молодца много было на службѣ послужено и пр.).

Весьма возможенъ переходъ сообразно приведеннымъ примѣрамъ „видно городъ“ изъ „виденъ городъ,“ при чемъ именительный падежъ чувствуется какъ падежъ винительный.

Устанавливая три стадіи развитія безсубъектныхъ оборотовъ типа: „язвило“ — язва язвила, язва язило; язило, Потebня замѣчаетъ, что обороты типа „пора было“ прошли двѣ первыхъ изъ этихъ стадій, такъ какъ существительное не могло быть здѣсь опущено въ виду того, что глаголь „быть“ не могъ передать значенія опущеннаго, какъ то было съ оборотомъ „язвило“.

Попутно затрогиваетъ Потebни такіе примѣры, какъ полскіе: *wszystkie były*, при чемъ рядомъ параллелей указываетъ на возникновеніе здѣсь винительнаго падежа по аналогіи (465—7). На примѣры, какъ „нужно“, „дивно“ и под., Потebня смотрѣлъ, какъ на первоначальные субъектные, при чемъ „нужно“, „дивно“ первоначально были подлежащими; эти слова, ранѣ бывшія существительными, затѣмъ уже переходятъ въ нарѣчныя слова (467 и сл.). Область безсубъектныхъ предложеній Потebня расширяетъ сравнительно съ господствовавшими воззрѣніями. Онъ не считаетъ возможнымъ дѣлать, какъ, напр., дѣлилъ Миклошичъ и нѣк. др., предложенія съ неопредѣленнымъ наклономъ на субъектныя и безсубъектныя. Также не считалъ онъ возможнымъ признавать подлежащими цѣлыя придаточныя предложенія (475). На безсубъектныхъ отрицательныхъ предложеніяхъ Потebня останавливается вскользь (480 — 4), при чемъ объясняетъ (какъ и ранѣ — во II, 254) замѣну именительнаго падежа утвердительныхъ субъектныхъ выраженій родительнымъ падежомъ удаленія и лишенія.

Въ своемъ разборѣ Ш ч. „Изъ записокъ...“ я останавливался на всѣхъ затронутыхъ Потебней вопросахъ, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ поставленной мною задачѣ (3-я глава приложенія — „о грамматическомъ родѣ“ оставлена безъ разсмотренія). Я выдѣляю только разсмотрѣніе XII гл., трактующей о безсубъектныхъ предложеніяхъ. Здѣсь замѣчу только, что эта глава является какъ бы заключительнымъ аккордомъ изслѣдованія Потебни: въ безсубъектныхъ предложеніяхъ мы видимъ особенное проявленіе глагольности, т. е. какъ бы завершается та эволюція языка, которая шла постепенно отъ именного строя къ строю глагольному.

Какъ я уже сказалъ, I—II „Изъ записокъ по грамматикѣ“ я ставлю выше Ш „Изъ зап. по р. гр.“. И если я подробнѣе останавливаюсь на Ш ч., то это объясняется тѣмъ, что эта часть не подвергалась у насъ еще разбору, между тѣмъ, какъ значеніе I—II въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ является вполне уже оцѣненнымъ.

Въ своемъ разсмотрѣніи я выдвигалъ почти исключительно примѣры изъ русскаго языка. Происходило это оттого, что примѣры изъ русскаго языка брались Потебнею за образцы, къ этимъ же образцамъ приводился сравнительный матеріалъ изъ другихъ славянскихъ языковъ (а также изъ литовскаго, латышскаго и нѣк. др.). Правда, въ Ш ч. сравнительно со II ч. „Изъ зап.“ Потебня менѣе обращается къ сравнительному матеріалу, тѣмъ не менѣе значеніе Ш ч. чрезвычайно важно въ исторіи изученія синтаксиса славянскихъ языковъ, такъ какъ параллельно многимъ образцамъ изъ русскаго языка имѣются данныя изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Ш ч. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ подвѣляетъ читателя огромностью приводимаго матеріала. Груды

матеріала могутъ заставитьъ не замѣтить той картины, которая за этимъ матеріаломъ скрывается, не замѣтить тѣхъ окончательныхъ цѣльныхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ изслѣдователь. Остается пожалѣть, что самимъ Поттебнею не сдѣланы окончательные итоги всего его изслѣдованія.

Примѣчанія.

Къ стр. 25. Мысль о томъ, что существуютъ предложенія безъ глаголовъ, предложенія безъ предикатовъ, доказывалъ въ послѣднее время Вундтъ. Такимъ образомъ и здѣсь несогласіе съ основной точкой зрѣнія Потебни, отождествлявшаго предикативность съ понятіемъ предложенія. Въ нашемъ сознаніи, дѣйствительно, предикативность и глагольность сливаются въ силу того, что почти исключительно у насъ предикатомъ выступаетъ глаголь. Въ силу этого мы и стремимся во всѣхъ случаяхъ отсутствія глагола найти хотя „оглагольваніе“. Иногда, какъ справедливо замѣчалъ Дельбрюкъ (*Grundfragen der Sprachforschung*, 149), такой предципирующей силой обладаетъ удареніе. Подобныя предложенія, въ которыхъ нѣтъ глагола, особенно трудно поддаются анализу относительно функціи сказуемаго, и если, какъ справедливо замѣчалъ Зѣньковский (Кіевс. Ун. Изв., 1908 г., сент., 23), грамматика не имѣетъ средствъ рѣшить вопросъ, предикативны они или нѣтъ, то вопросъ этотъ разрѣшается психологіей, а не логикой.

Къ стр. 69. Значеніе XII гл. уже отмѣчено проф. Овсяннико-Куликовскимъ въ его статьѣ „Изъ синтактическихъ наблюденій“. Здѣсь авторъ проводитъ параллель между изслѣдованіемъ Миклошича *Subjectlose Sätze* и названной главою. Работу Миклошича О. К. называетъ образцовой въ смыслѣ собранія матеріала и систематики этого матеріала. Этой систематичной стройности нѣтъ у Потебни, зато здѣсь „глубокое проникновеніе въ психологію языка“. Я бы не сказалъ только, что трудъ Миклошича является въ видѣ какого-то „инвентаря безсубъектности въ индо-европейскихъ языкахъ, преимущественно славянскихъ“. У Миклошича нѣтъ дѣйствительно такого анализа отдѣльныхъ оборотовъ, самый методъ работы иной, чѣмъ у Потебни. У Миклошича мы находили стремленіе проникнуть въ историческія судьбы языка, только пользуясь для этого какъ бы грудями матеріала.

Къ стр. 71. Я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ показывающихъ наглядно вліяніе аналогіи въ образованіи безсубъектныхъ предложеній (примѣры взяты изъ собранія арханг. былинъ Григорьева — М. 1904 г.) и вообще путь образованія нѣкоторыхъ безсубъектныхъ оборотовъ.

И было на томъ пирѣ гости собрано (197)

— здѣсь сближеніе съ безсубъектными оборотами, показывающее, насколько сильны были послѣдніе по своему вліянію. Ср. слѣд.:

А и що тибѣ тако надобно . . .

Ишта надобно ле двory мои . . . (385)

А и не надобно миѣ двory твои (385).

Перенесеніе „надобно“ въ послѣднее предложеніе безъ измененія формы можетъ ясно показывать, чѣмъ объясняется получившееся безъ согласованія соединеніе.

Еще ли всё здраво въ нашемъ городѣ
 Въ нашемъ городѣ да князья да бояра?
 Еще ли здраво всё гости да торговые
 На моёмъ двори да моя молода матушка (28).

Здѣсь интересно отмѣтить постановку „здраво“, правильно согласуемаго въ первомъ предложеніи съ всё, во второмъ предложеніи, куда оно проникаетъ именно благодаря значенію перваго оборота и, въ сущности, разрушаетъ всякую грамматическую послѣдовательность; возможность подобнаго проникновенія обуславливается, конечно, и тѣмъ, что въ первомъ предложеніи существуютъ, кромѣ общаго подлежащаго, еще подлежащія частныя. Нѣсколько иной уже характеръ въ:

А сдраво ли живётъ да молода жона
 Здорово живётъ да здоровешеньку (30) . . .
 Эти рѣци Митрею въ слухъ пришли
 Васильевницу да за бѣду пали (62) . . .
 Митрію кнезю въ слухъ пришло,
 Васильевницу за бѣду стало (49) . . .

при чемъ въ послѣднемъ случаѣ подразумевается цѣлая рѣчь, слова, сказанныя объ этомъ князѣ (эта рѣчь выражена нѣсколькими предложеніями). Такимъ образомъ послѣдній примѣръ ярко можетъ показывать начало безсубъектнаго оборота.

Деять сынковъ да въ разбой пошли . . .
 Тутъ наѣхало деветь разбойниковъ . . .
 Моёго то мужа онѣ пограбили,

Моёго то сына да въ воду спустили (109, 110)

Интересно соединеніе „наѣхало-пограбили“, „спустили“. Мнѣ думается, что подобные примѣры могутъ раскрывать предъ нами причину соединенія „наѣхало“ съ „деветь“. То же въ такихъ примѣрахъ:

Налитало два голуба . . .
 Они стали (28)

— именно обозначается извѣстная коллективность, благодаря этому обуславливается и чисто самостоятельное употребленіе: наѣхало, налетѣло и др.

Що же у насъ тамъ удѣялосе-учинилосе?

Тамъ запыркало залягой, тамъ за дѣтковой за пожней,
 за сосновымъ неволокомъ;

Тамъ пищить-верещить; тамъ не кошка ли курнѣ?

Не собака ли ревѣ? вѣрно, скотину дерѣ (572) —

Здѣсь мы видимъ безсубъектныя обороты при чемъ подлежащаго нѣтъ, но оно какъ то носится въ сознаніи, благодаря сосѣднимъ оборотамъ съ подлежащимъ.

Не во сняхъ-то это тебѣ-то видѣлось . . .

Мнѣ ночесъ спалось да во сняхъ видѣлось:

Що два заяца собѣгалося (602).

Отъ перваго оборота переходя ко второму, мы видимъ, какъ постепенно могло образовываться безсубъектное предложеніе: сначала подлежащее „это“, потомъ новое предложеніе, затѣмъ уже являлась возможность и употребленія безъ „это“. Или подобное же:

Не во сняхъ тебе царю привиделось
 На яву тебе все показалось (610)
 Колько жыто быто, столько плакано
 Все Василья князя домой дожиданось. (364).
 Да какъ мѣсто гласъ (з) было врѣзано
 Да по дорогу по самоцвѣтному по камешку,
 Да какъ мѣста ковровъ было положеноѣ
 Да по черному сибирскому по соболу
 Да какъ мѣсто ушей было повѣшеноѣ
 Да по дорогой лисици по заморскіе. (116)
 Приупито было, приуѣдено
 Въ красни, въ хорошѣ да приухожено
 На бѣлой груди да приулежано. (75)
 Въ пялахъ тамъ шито всё по Божьему
 Ай не столько шито, вдвоѣ плакано
 Все князюшка домой дожидано. (59)

Считая 1-е и 4-е изъ приведенныхъ мѣсть болѣе древними по образованію, я думаю, что изъ нихъ можно объяснить обороты безъ подлежащаго.

Щобы солнышко на ё не оплѣкло
 Щобы буйнымъ вѣтромъ не оввѣяло. (76)

Здѣсь можно задаваться вопросомъ, не относится ли „не оввѣяло“ къ солнышко, тогда станетъ понятнымъ и возникновеніе в послѣдствіи самостоятельнаго оборота: вѣтромъ оввѣяло.

(Въ параллель къ этому можно было бы привести изъ Куліша (Черная рада): се так, як от інком схопиться заверуха — громом гримить, вітром бурхае поламае старое дерево, повиворочуе . . .)

Не поимать же будѣ намъ разбойника (534)
 Но топеря хилину да не по соснамъ летать, да не насъ
 пугать (566)

Скрыцязь какъ онъ во всю буйну голову,
 Щобы цють по всей каменной Москвы (476)
 Я приѣду домой, да що мнѣ дѣлати (413)
 Нащо было рубашка здѣтъ (432)

Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много. Первое предложеніе (какъ и послѣднее) намъ важно, потому что можетъ указывать, какъ безсубъектный оборотъ, состоящій изъ вспомога-тельнаго глагола и неопредѣленнаго наклоненія, можетъ переходить въ безсубъектный же оборотъ съ пропускомъ глагола (съ другой стороны, для такихъ оборотовъ, какъ щобы цють, важнѣе послѣдній примѣръ).

Нѣсколько непонятными на первый взглядъ являются слѣдующія сочетанія (пользуюсь все примѣрами изъ былинъ собранныхъ Григорьевымъ):

Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ — зашумѣло въ головѣ,
 Зашумѣло въ головѣ, загремѣло; скажи правду обо мнѣ (189).
 Неизвѣстно, что здѣсь за шумѣло. Въ другихъ случаяхъ можно найти подлежащее къ этому безсубъектному обороту; вино.

Разбирая такіе примѣры, какъ: прошло мѣсяць, прошло годъ, прошло тысячу лѣтъ, *τρίτην ταύτην ἡμέραν ἄγει* (идеть 3-й день), Поповъ (Синтакс. изслѣдов. 110—111) видитъ здѣсь подлежащее, поставленное въ винительномъ падежѣ. Если мѣсяць и пр. — винительный независимый, какъ думалъ Поповъ, то спрашивается, почему прошло, т. е. нѣтъ согласованія? Данные обороты необходимо сблизить съ такими: служи мнѣ мене трѣну годину, *sedme leto bydlim*, не спать ночь и пр. и трудно говорить здѣсь о какихъ-то независимыхъ падежахъ, когда въ данныхъ оборотахъ эти падежи явились изъ зависимыхъ. Собственно приведенный винительный падежъ можно было бы сблизить особенно съ винительнымъ количествомъ: онъ былъ капельку неувѣренъ (ср. Поповъ, 123). Нельзя ли видѣть здѣсь вліяніе, напр., капельку выпивши, затѣмъ отождествленіе капельку — немножко? Налетѣло чортову пропасть (тамъ же, 123) — не есть ли здѣсь вліяніе „нагнало“, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ, когда обозначается мѣра, количество, наряду съ винительнымъ иногда употребляется именительный: сербс. био литру злата, наше: былъ фунтъ серебра.

Проф. Томсонъ (Изв. отд. р. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 908 г. № 3, 293), обращая вниманіе на такіе примѣры, какъ: набралось воды, народу; есть молодцовъ; е того цвѣту; народу як дім иде; када има хлеба, нема соли и др., указываетъ на то, что здѣсь въ качествѣ подлежащаго (по значенію) выступаетъ родительный падежъ и послѣднее является возможнымъ въ силу того, что родительный падежъ отъ именъ вещественныхъ въ качествѣ прямого дополненія обозначалъ неопредѣленность, неограниченность вещества въ пространственномъ отношеніи. Мысль проф. Томсона мнѣ кажется убѣдительною. Дѣйствительно, если въ нашемъ представленіи начало связываться съ извѣстной формой понятіе о чемъ-то неопредѣленномъ. то этой формою языкъ могъ воспользоваться и получился такимъ образомъ одинъ изъ видовъ безсубъектныхъ оборотовъ.

Къ стр. 74. Если возьмемъ такіе примѣры: гласъ трубы услышано будетъ (ср. Овс.-Кулик. 38, Миклош. *Sublecti, S., 58*), чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель (изъ воззванія моск. людей 1611 г. ср. Овс. К., тамъ же), то въ первомъ предложеніи гласъ будетъ чувствоваться скорѣе, какъ винительный падежъ, а второе предложеніе, между тѣмъ, можетъ показать, какъ образовалось подобное выраженіе, т. е. прежде всего потеря согласованія, а потеря эта несмѣнно произошла подъ давленіемъ уже привычнаго оборота „вѣдомо“. Такимъ образомъ эти примѣры и другіе имъ подобные наглядно показываютъ, какъ нѣкоторые обороты, оторвавшись отъ прежняго цѣльнаго выраженія, сами, получивши извѣстную смысловую цѣльность, входятъ затѣмъ въ составъ другихъ оборотовъ, нарушая прежде бывшую тамъ гармонию согласованія. По Потемнѣ же, „услышано“ — непосредственно изъ „услышанъ“.

Изъ Сборника Учено-Литер. Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ.